Михаил Родионов

Не торопись менять друзей...

человек среди людей

человек
среди
людей

Михаил Родионов

Не торопись менять друзей...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1977

32С5
Р60

Родионов М. И.

Р60 Не торопись менять друзей... М., «Сов. Россия», 1977.

64 с. (Человек среди людей).

В книгу входят семь иебольшнх новелл. Их герои — нижеиер, капитан, бригадир моитажников, бывшнй летчнк-штурмовик — людн разиых профессий, разиых судеб, разиых харвктеров. И иа жизнь они смотрят ие одиивково. Но их объедняет готовность прийти нв помощь не только другу, ио и малознвкомому человеку, чувство большой ответствеиностн за свои слова и поступки.

Автор книги показывает, что советскому человеку свойствеины верность Роднне, вериость дружбе, вериость долгу, верность самому себе, своей совестн.

Р $\frac{10507-119}{М-105(03)77}$ БЗ—57—1977 № 2 32С5

НЕ ТОРОПИСЬ МЕНЯТЬ ДРУЗЕЙ...

Инженер столичного промышленного объединения Алексей Гаврилович Радов, закончив служебные дела, вернулся в номер гостиницы. Был летний, по-южному мягкий и звонкий вечер. В раскрытое окно со скверика напротив доносился веселый ребячий гомон, проникал медовый запах белой акации и временами слышался дробный шелест пробегавших по улице автомашин.

Алексей Гаврилович расстегнул ворот рубашки, прошелся по комнате, окидывая беглым взглядом казенную обстановку, в задумчивости снова постоял у окна, сел за стол, сделал кое-какие заметки по памяти в записной книжке. К этому он приучил себя смолоду, сразу же после окончания института. Ему тогда посчастливилось: в свою первую командировку выехал вместе с опытным и очень пунктуальным начальником отдела, который предусматривал и планировал все заранее. «Если при проверке говоришь с кем-либо и тут же записываешь, то это сковывает собеседника»,—внушал он молодому инженеру Алексею Радову. В правоте своего наставника Алексей убедился сразу же по возвращении из командировки: через день у них был составлен краткий и очень толковый отчет. И вот такая система работы осталась у него на всю жизнь... Он прочитал вслух свои записи, сверил цифры с теми, что ему дали в подготовленной справке, спрятал документы в портфель и, потягиваясь, встал из-за стола.

«Так...— с удовлетворением подумал он, приглаживая тронутые сединой виски,— материал собран объемистый.

Осмыслим и переварим его в дороге и сразу же засядем за докладную... Жаль, нет с собой машинки: можно было бы отстукать и здесь первый вариант... Ну, да ничего, отпечатаем дома...»

При мысли о доме глаза его потеплели. Там у него в кабинете всегда под рукой пишущая машинка и несколько полок с различными справочниками. По роду службы ему довольно часто приходилось выезжать в командировки, он к этому уже привык; однако, находясь в незнакомом городе, всякий раз чувствовал себя словно чужестранец и тем острее тосковал по дому. Тоску эту, может быть, вызывали перемены в быте и ритме жизни; может быть, сказывалась привычка к старому насиженному месту. Так или иначе, но последние дни командировки он все чаще и чаще подумывал о доме...

«Завтра будем в столице...»—мысленно подгоняя время, Радов взглянул на часы: было без четверти шесть— впереди свободный вечер. Он вынул записную книжку и, найдя телефон своего однокашника Георгия Бадзимова, позвонил. Номер оказался занят. Радов позвонил еще и еще раз, но в трубке по-прежнему слышались частые гудки. «С кем-то так долго Жорка беседует? — усмехнулся Радов критически.— А может, у него уже другой телефон? Проверим попозже, когда номер освободится...» И, полистав записную книжку, набрал номер другого телефона. «Виктора можно?» — сказал, заметно волнуясь. «Вам Виктора Васильича? — переспросил удивленный женский голос.— Его нет...» — «А вы не скажете, где он? Это его старый товарищ...» — «Они с семьей переехали в Харьков...»— «Вот оно что...» — в замешательстве протянул Радов. «Три года, как они уехали. Вы, видно, давно не звонили?..» Радов сказал, что давно, положил трубку, задумался. «Да... вот так-то устроена наша жизнь. Все работа, заботы и хлопоты. На письма для друзей совсем не остается времени... Редко, очень редко доводится видеться с друзьями, чаще всего на юбилеях да на похоронах... Такие уж мы все занятые люди...»

Спустя несколько минут Радов снова позвонил Бадзимову. На этот раз номер оказался свободным. «Сейчас мы дадим знать Жорке, что находимся в городе и терпим бедствие от безделья...»— подумал Радов, прислушиваясь к зуммеру. Трубку не снимали. «Не может быть, чтобы Жорка так рано ушел с работы. Это на него не похоже. Наберемся терпения...» В трубке по-прежнему

слышались протяжные гудки; волнуясь, Радов считал их. Восемь, девять, десять, одиннадцать... Наконец послышался недовольный бас: «Бадзимов слушает».— «Георгий, здравствуй!..» — «Зравствуйте! — бас звучал уже приветливее.— Кто говорит?» — «Это я, Радов...» — «Какой Радов? Из Москвы? — в голосе послышались нотки удивления, и тотчас последовал радостный крик:— Алешка! Дружище! Где ты? Какими судьбами?.. Товарищи, потише, пожалуйста...» — «Я тут два дня был в командировке. Утром улетаю в Москву. Остановился в гостинице в двенадцатом номере...» — «Хорошо, значит состыкуемся... Товарищи, да потише же вы!.. Часа через два буду у тебя. Закончу совещание и буду. Привет!»

Радов повесил трубку, расплылся в улыбке, представляя, как Георгий войдет и скажет: «Здорово, дед!» И они, как бывало, просидят до утра...

Радов, продолжая думать о друге, позвонил в ресторан, размещавшийся в первом этаже гостиницы. «Это из двенадцатого номера. Можно заказать ужин на две персоны?»— «Конечно, можно, почему нельзя... Какое меню?..» — «На ваше усмотрение. Уж вы постарайтесь там что-нибудь получше, пожалуйста. Жду старинного друга...»— «Не беспокойтесь, сейчас все организуем...» — Радов отошел от телефона и в предвосхищении скорой встречи, потирая в волнении руки, оглядел себя в большое овальное зеркало, висящее на стене. На него весело смотрело сияющее, смеющееся, возбужденное лицо. «Та-ак, вроде бы все нормально, только вот борода отросла и воротничок сорочки не того...» Он прошел в ванную комнату, побрился, потом, достав из чемодана свежую сорочку, надел ее и, поправив перед зеркалом волосы, в радостном расположении духа стал прохаживаться по комнате. «Постой,— неожиданно спохватился он,— у меня ведь был новый галстук». Открыл чемодан, достал синий в мелкий горошек галстук. «Нет, пожалуй, я его лучше подарю Жорке, он всегда любил изящные вещи. А такие галстуки нынче в моде. Этому пижону будет приятно...»

В дверь негромко постучали. Радов сунул галстук в газету, опрометью бросился, полагая, что приехал Бадзимов, рванул на себя ручку, громко крича: «Милости прошу к нашему шалашу!..» В коридоре стояли два официанта, держа подносы, сверху накрытые белыми салфетками. «Вот это скорость — космическая!» — воскликнул

Радов, посторонился, пропустив официантов, и с благодарной удовлетворенностью подумал: «Стол будет накрыт до прихода Жорки, как в лучших домах Лондона... Так любил говаривать он, когда пировали мы после сессий...» Радову явственно и близко, словно это было вчера, слышался иронически-насмешливый тон друга с мягким кавказским акцентом.

Официанты тем временем расстилали скатерть. Довольный Радов молча наблюдал за их действиями. На столе появились бутылка коньяку, языковая колбаса, заливная осетрина с хреном, фаршированные кетовой икрой яйца, цыплята табака, ваза с персиками и белый свежий, словно воздушный хлеб.

— Большое вам спасибо! — растроганно и благодарно сказал Радов официантам.— Все очень хорошо! А чеснока в виноградном уксусе и какой-нибудь зелени не найдется?

— С утра было, а сейчас нет,— ответил пожилой официант, раскладывая ножи и вилки.— Этим товаром нас снабжают редко...

— Какая жалость... А где можно достать? Мой друг очень любит...

— Только на рынке. Он здесь недалеко. Еще успеете: рынок до семи,— сказал все тот же официант, вручая счет.— Извините, но обычно мы получаем вперед.

Радов достал бумажник, тотчас расплатился, прибавив два рубля за скорость. Официанты молча вышли из комнаты.

Радов, еще раз окинув взглядом накрытый стол, заторопился на рынок. Проходя по коридору, попросил горничную: «Если ко мне придут, проводите, пожалуйста, в номер и попросите подождать. Я скоро вернусь».— «Не беспокойтесь, непременно скажу и сделаю так, как вы хотите»,— с вежливой улыбкой ответила горничная. Радов торопливо сбежал по лестнице, выскочил на улицу. На него пахнуло зноем, настоенным нежным и терпким запахом белой акации, но он даже не заметил этого, остановил первое такси, вскочил на заднее сиденье, шумно прихлопнув дверцу. «На рынок, пожалуйста»,— сказал он водителю срывающимся голосом. «Тут и пешком близко»,— заметил тот удивленно. «Понимаете, я очень тороплюсь, поедемте, пожалуйста, сколько скажете, я заплачу...» — «На рынок так на рынок,— уже согласно

ответил водитель.— А платить будете по государственной таксе». Включил счетчик, плавно повел машину.

В такое позднее время рынок уже изрядно опустел, но, к счастью Радова, здесь было то, за чем он так сюда торопился. Не торгуясь, выбрал из бочки шесть крупных розовых головок чеснока, густо отдававших винным запахом, а напротив, в соседнем ряду, купил пучок зеленой сыровато-пряной киндзы и, сложив все это в целлофановый мешочек, услужливо предложенный ему усатым и добродушным на вид хозяином чеснока, бегом возвратился к машине. По дороге в гостиницу он, словно извиняясь перед водителем, сказал: «Если можно, поскорее... Понимаете, меня, наверно, уже ждет друг... Столько лет не виделись...» — «Это мы сей момент домчимся»,— таксист прибавил газу, ловко лавируя по узкой улочке. «Большое вам спасибо, что выручили!» — благодарил Радов водителя, расплачиваясь, когда машина остановилась у подъезда гостиницы.

Радов взбежал на второй этаж и, переводя дыхание, волнуясь, осведомился у горничной: «Ко мне не приходили?» — «Нет, никого не было...» Радов заторопился в свой номер: ему казалось, что там звонит телефон, влетел в комнату, не закрыв за собой дверь. Кругом было тихо и сумрачно. Радов зажег настольную лампу, вымыл под краном чеснок и зелень, положил на тарелку в центре стола. Затем в томительном ожидании сел на диван, поминутно поглядывая на часы. «Разговаривали мы с Жоркой в шесть, а сейчас четверть восьмого. Он сказал, что прибудет через два часа. Значит, еще почти целый час в запасе...» Глубоко и свободно вздыхая, Радов расслабился, откинулся на мягкую спинку дивана. Легкий ветерок всколыхнул штору, принеся с улицы лепестки белой акации. «Может, закрыть дверь? Нет, в коридоре не очень светло, пусть остается открытой: Жорке так будет легче найти мой номер...» Наблюдая за шевелившимися на полу лепестками акации, Радов задумался, словно перелистывал книгу своей дружбы с Бадзимовым...

...Первый курс инженерно-строительного института. Иногороднему студенту Георгию Бадзимову не досталось места в общежитии. Алексей Радов попросил разрешения у матери, чтобы Георгий поселился у них в доме. Мать не возражала, только поставила условие: «Убирать за собой будете сами». Ребята помогали ей по хозяйству,

сполна отдавали стипендию в общий котел. Жили одной дружной семьей...

...Когда началась Великая Отечественная война, оба добровольно ушли с третьего курса в Красную Армию. Обоих зачислили в артиллерийскую школу. А через полгода в звании лейтенантов направили на фронт, в один дивизион, только в разные батареи. С боями полк отступал до Тулы. Здесь, на подступах к городу, Алексею удалось впервые прямой наводкой самому подбить фашистский танк. Алексея наградили за это орденом Красной Звезды. Георгий радовался вместе с другом. А вскоре и он зажег вражескую самоходную пушку, и ему дали такой же орден. Потом у друзей, когда фашистских захватчиков отогнали от Тулы, был короткий отдых и переформировка полка, а затем битва на Курской дуге, куда были направлены оба друга. Здесь Георгия ранило осколком мины в ногу. Алексей навещал его в медсанбате, делясь по-братски своим фронтовым пайком. А потом был ранен в бедро Алексей. Друзья надолго расстались. Алексей много месяцев пролежал в тыловом госпитале. Связными их тогда были письма. Они и сейчас еще хранятся у Алексея. Полк свой он догнал уже под Минском, в июне сорок четвертого года. Снова встретился с другом. У Георгия был в то время второй орден — Отечественной войны II степени, и командовал он дивизионом. Алексея сначала назначили к нему заместителем, а вскоре доверили тоже артиллерийский дивизион. Так до конца войны и воевали друзья в одном полку, вместе освобождали Минск и Варшаву, вместе дошли до Берлина, на чужой земле отпраздновали Победу...

...Потом оба вернулись в свой инженерно-строительный. Жили они опять под одной крышей, хотя Георгию как фронтовику местком предлагал койку в общежитии. Но друзья решили не разлучаться... Только вот мать Алексея не дождалась ребят, умерла в сорок втором... Без нее трудно поначалу было им: за долгие фронтовые годы отвыкли они от наук, да и с продовольствием приходилось трудновато — хлеб и продукты выдавали еще по карточкам. Но и это тяжелое время вместе пережили они, учились, тянулись на четверки и пятерки. Алексей помогал Георгию одолеть трудно дававшиеся сопротивление материалов и черчение... Горе и радости у друзей были общие. И девушку они полюбили оба одну...

Став инженерами-строителями, друзья разлетелись

кто куда: Алексей — в Сибирь, Георгий — на Дальний Восток. Сначала писали они регулярно, потом письма шли реже и реже, а когда друзья сменили по нескольку раз места́ жительства, перекочевывая с закончившейся стройки на новую, обзавелись семьями, то и вовсе перестали баловать друг друга письмами; обходились в основном телеграммами к праздникам. А вот теперь снова...

За окном прогудела и остановилась машина. Радов вскочил, посмотрел на часы, было ровно восемь. «Жорка, как всегда, пунктуален»,—подумал он и, выждав минуту-другую, выбежал в коридор. «Меня не спрашивали?» — едва сдерживая волнение, спросил он у горничной. «Нет, никого пока не было... Да вы не беспокойтесь, как только придет ваш товарищ, я его приведу сразу к вам, не беспокойтесь...» Радов попытался улыбнуться и торопливо возвратился в свою комнату, снова сел на диван; его обостренный слух реагировал на каждый звук, доносившийся с улицы или из коридора. Так просидел он молча, в нетерпеливом ожидании еще около часа, встал и уже было направился к телефону. «Может, Жорка не запомнил номера комнаты?.. Сейчас мы ему, пижону, напомним...— и тотчас передумал: — Нет, зачем же звонить? Он сказал, что записал, и потом ведь в городе всего одна гостиница. Можно и так без труда найти...»

Обиженный невниманием друга, Радов снова сел на диван, вынул из газеты галстук, положил рядом с собой на валик и стал читать статью. Но вскоре понял, что не помнит ни одной строчки из только что прочитанного, саркастически усмехнулся и отложил газету. «Что это я разволновался, точно перед госэкзаменом? — не без иронии вдруг подумал Радов.— Надо взять себя в руки...» Он поднялся, принялся делать зарядку, как привык по вечерам дома, в перерывах между работой за письменным столом. В это время послышался шелест колес подкатившей машины. Он бросился к окну, но из освещенного помещения не мог ничего разглядеть в синеве сгустившихся сумерек. Порывисто выключил настольную лампу. Сразу стало виднее все, что делалось на улице. Две женщины вышли из машины. Радов с досады поморщился, зажег свет и взглянул на часы. Было почти девять. Тогда он решил выйти в коридор. «Пойду, буду встречать около подъезда»,— сказал он горничной. Та посмотрела на него с участием и кивнула.

Часа полтора Радов, словно часовой на посту, выха-

живал взад-вперед возле дверей гостиницы, встречая и провожая пронзительно-пристальным взглядом пешеходов и проезжавшие машины. Наконец, не выдержал, махнул огорченно рукой, поднялся к себе на этаж и, стараясь не повстречаться глазами с горничной, тихо прошел в номер. Время подходило ближе к двенадцати часам. Радов уже с полным безразличием взирал на заставленный тарелками стол. «Значит, Жорка уже не придет... Хотя бы позвонил, сказал... А может, что-нибудь случилось?.. Но вряд ли, тогда бы уж наверняка позвонили; это когда все хорошо, то обычно молчат...» Радов уложил вещи, побрился, чтобы не торопиться утром, и прикорнул, сидя на диване.

Среди ночи его разбудил резкий звонок. Со сна он никак не мог сообразить, кто и зачем беспокоит его. Оказалось, со станции такси сообщили, что за ним вышла машина.

Радов наскоро умылся, и минут через десять-пятнадцать он уже ехал по ночному городу, поеживаясь от бодрящего сквознячка и всматриваясь в тускло освещенные улицы. Несмотря на ранний час, в аэровокзале было многолюдно. Пассажиры стояли очередью у окошка кассы, толпились возле выхода на посадку, сидели в креслах у стен. Мимо них, лавируя, проезжали носильщики с тележками, груженными чемоданами. По местному радио передавали информацию о вылетах и посадках самолетов.

Радов зарегистрировал у дежурного диспетчера билет, сдал там же чемодан в багаж и устроился в кресле возле окна, задумался... Толпа пассажиров заметно редела. Одна за другой уходили группы к своим самолетам. Но на рейс, с которым должен был улетать Радов, почему-то не объявляли посадку. Радова это не волновало. Он знал, что часом раньше или позже все равно улетит, и мысленно уже был дома. В зал ожидания заглянули первые лучи солнца, наполнили просторную галерею ярким светом, бледно-золотистыми веселыми бликами. Радов, согреваясь, приятно зажмурился, откинулся на спинку и хотел было немного подремать. В это время по радио объявили, что рейс на Москву задерживается по причине позднего прибытия самолета, принесли извинение от администрации аэропорта, известили пассажиров о времени очередной информации о вылете этого рейса. Радов усмехнулся: «Там, где начинается авиация, там кончается порядок... Пойду все же позвоню Жорке, уз-

наю, что с ним такое случилось... Всегда был он обязательным человеком, а тут...» Радов направился к телефонной будке, свободного телефона не оказалось. Пока подошла очередь, часы показывали четверть десятого. Радов набрал нужный номер. Трубку долго не снимали, наконец ответил женский писклявый голос, сообщил, что Бадзимова нет в кабинете. «Еще нет или уже нет? — переспросил резко Радов и, сдерживая обиду и раздражение, сказал уже спокойнее: — А когда будет?..» — «Начальник задерживается на объекте... Позвоните попозже...» Радов с сожалением повесил трубку, направился к свободному креслу, сел. «Да, шибко занятым человеком стал Жорка... Не мог выбрать часа... Хоть бы позвонил... А то поиграл на нервах, и все хлопоты мои остались напрасными... Наверно, удивляются в гостинице. Случай действительно небывалый: заказать ужин и оставить нетронутым... Ну, и хорош же ты, Жорка! Осрамил меня, хоть и не останавливайся больше в той гостинице... Хорош гусь!.. Вот что высокое положение может сделать с человеком... Был у меня друг и...» Радов вынул записную книжку листая, ее, нашел нужную страницу и неожиданно для самого себя дважды сгоряча зачеркнул фамилию Бадзимова...

На взлетной полосе взревели турбины реактивного самолета, все вокруг наполнилось пронзительным свистом, неимоверным грохотом и гулом, мощные звуковые волны содрогали здание, дребезжали большие стеклянные окна аэровокзала. Но Радов, казалось, не ощущал всего этого, он сидел, обхватив руками голову, его словно окоченевший взгляд был обращен вниз и сосредоточен на одной точке. В памяти его с молниеносной быстротой проносились институт, война, годы, прожитые вместе с другом.

Самолет совершил взлет, звуки турбин, удаляясь, становились все слабее и слабее и, наконец, стихли совсем. Мысли Радова петляли, путались, перескакивали с одного эпизода на другой, однако неизменно возвращались к несостоявшейся встрече. Радов уже как-то немного свыкся с свершившимся фактом, даже, казалось, успокоился и по привычке занялся самоанализом. «...Нет, ты поступил, как гимназистка... Эгоист!.. А может, у Жорки какая беда или что с сердцем?.. Даже если просто не мог человек прийти, то зачем на него обижаться?.. Ведь бывают всякие обстоятельства... Заранее всего не предусмотришь... Жизнь — не пьеса... Человека из жизни не выкинешь...»

Радов достал записную книжку, восстановил адрес и телефон друга, с превеликим облегчением вздохнул, словно освободился от тяжелого груза, откинул голову на спинку кресла, подставляя лицо ласковым теплым лучам солнца; глаза его были закрыты, губы расплылись в доброй виноватой улыбке... По радио объявили, что вылет рейса на Москву откладывается до тринадцати часов. «Если бы знать заранее, то можно было бы съездить к Жорке домой,— подумал Радов.— Пойду позвоню, может, появился занятый начальник...» Радов пружинисто поднялся, глянул в сторону телефонных будок, где толпились люди, решительно двинулся, выбирая, где поменьше очередь. В это время в распахнутую дверь аэровокзала вбежал Бадзимов, сразу увидел шедшего Радова, кинулся к нему, задев на ходу своей огромной и тучной фигурой нескольких пассажиров.

— Алеша! Извини, дорогой, авария,— обхватил друга своими массивными, словно у медведя лапы, руками, трижды расцеловал, прижимаясь щекой, обросшей колючей седой щетиной.— Понимаешь, вышла из строя центральная магистраль газопровода. Вот и возились до утра, пока исправили.— И, заметив удивление на лице молчавшего друга, спросил: — Постой, а тебя разве не предупредили? Я тебе сам звонил, но телефон почему-то молчал. Это было где-то около семи. Тогда я попросил секретаршу. Неужели не позвонила?..

— Как видишь...

— Может, она гостиницу перепутала?

— Гостиница одна в городе...

— Была одна, а теперь еще четыре новые построили... И как я еще утром сообразил позвонить в аэропорт! Звоню, мне говорят, что рейс на Москву будет не раньше тринадцати ноль-ноль. Ну, думаю, еще успеем тогда повидаться, в машину — и сюда,— он опять стиснул в объятиях друга.— Чего ж мы тут стоим? Пойдем посидим за столом! — взял у него из рук портфель и увлек Алексея к двери ресторана.

Друзья сели за свободный столик в углу у окна, попросили официантку, чтобы к ним никого не подсаживали, и заказали обед.

— Что будем пить? — спросил Георгий.

— Ты ж на работе...

— После такой бешеной ночи сразу поеду отдыхать, провожу тебя и поеду, так что можно.

— Тогда коньяк.
Официантка ушла исполнять заказ.
Алексей достал из портфеля галстук, протянул Георгию:
— На-ка, держи, последний крик моды!
— Спасибо, дед! Значит, ты еще помнишь мой вкус?.. А это вот специально для тебя...— достал из кармана бутылку с нарядной этикеткой.— Повезешь с собой в столицу, твое любимое «Оджалеши».
— Не забыл?!. А я уже решил, что ты того...
Карие бархатистые глаза Бадзимова с укором и любовью смотрели на Алексея.

ПРОСТИ, ДРУГ...

Под тронутым изморозью крылом оборвалась последняя цепочка гор. Большой Кавказский хребет позади. Внизу — похожие на снежные поля облака, а над ними небо, темно-голубое, без конца и края, только далекий горизонт прикрыт молочно-розоватой перламутровой дымкой. И застывшее — словно отстановившееся — ослепительно красное солнце.

— Смотри, Тамрико[1], река! — воскликнула сидевшая у иллюминатора пожилая женщина.— Какая белая ленточка!

Ее грудной, певучий голос, черные, блестящие волосы, оттенявшие белизну лица, напомнили мне тетю Натэлу. Я тоже прильнул к стеклу, и мне показалось, что на мое плечо легла горячая ладонь Сандро. Я услышал его прерывистое дыхание, как тогда, перед атакой, и мне почудилось, будто он обращается ко мне: «Видишь, Кура! Я так люблю ее...»

«Сандро, Сандро...»

Самолет, вынырнув из облаков, пошел на посадку и через минуту-другую уже катился по залитой апрельским солнцем бетонной дорожке аэродрома.

Навстречу мне быстро шли мои давние товарищи, Отар и Шалва.

Мы обнялись.

— Наконец-то пожаловал! — улыбнулся Шалва.

— Может быть, зазнался? — съязвил Отар.— Так ты скажи. Мы тебя быстренько вылечим!

---

[1] Тамрико — уменьшительное имя Тамара *(груз.)*.

— Пойдем, пойдем, генацвале, к машине,—торопился Шалва, подталкивая меня к стоявшей неподалеку «Волге».— Ко мне поедем! Жить у меня будешь. Одна комната твоя. Окна и балкон на Куру выходят.

— Постой, почему у тебя? — запротестовал Отар.— Разве мой дом стоит на какой-нибудь другой реке? Или моя Ламара не умеет принять гостя?

— Простите, ребята, но я поеду к Сандро. У меня всего четыре часа.

Друзья переглянулись.

— Может быть, сначала заедем к тете Натэле? — спросил Отар.

Я кивнул.

Шалва назвал шоферу адрес.

Эту улицу я знаю давно. Обрывистый берег. Будто по просьбе учителя географии одной из тбилисских школ природа обнажила здесь всю геологию древних веков. К бурой скале, как гнезда ласточек, прилипли дома и домики. Посмотришь из окна — и дух перехватывает: далеко-далеко внизу бурлит, клокочет бегущая река.

Увидев нас, тетя Натэла радостно всплеснула руками. Потом медленно подошла ко мне, какое-то мгновение смотрела в лицо невидящими глазами—и прижалась к моей груди. Она тихо всхлипывала и шептала чуть слышно: «Чемо швило[1]... Чемо швило...» Я гладил ее седую голову.

Ребята молча стояли рядом.

— Садитесь, дети, садитесь... Я сейчас... приготовлю только еду,— наконец сказала тетя Натэла изменившимся голосом.

Я посмотрел на часы.

— Спешишь? — спросила мать Сандро.—Сыну всегда некогда, когда он приходит к матери, а не к любимой девушке.

— Я спешу к Сандро...

Она тяжело вздохнула и вышла из комнаты.

Все здесь напоминало мне о Сандро. В этом кресле он любил читать. А неуклюжие, старомодные стулья, стоявшие вокруг такого же старомодного и неуклюжего стола, Сандро собирался заменить, но мама протестовала: память об отце... При свете этой массивной люстры Сандро сидел над чертежами. Книги на бамбуковой этажерке помнят тепло его рук...

[1] Чемо швило — сын мой *(груз.)*.

«Сандро, Сандро... Это я во всем виноват...»
С кувшином вина возвратилась тетя Натэла.
— Пейте! Это настоящее «Чхавери». Брат из села к празднику прислал.— И она опять направилась к двери.
— Куда же вы? — останавливаю я ее.
— Принесу лаваш. Ты же любишь горячий лаваш?!
Так помнит только мать, помнит даже то, что забываешь ты сам.

Она тихо садится рядом со мной. Я рассказываю ей со всеми подробностями (она не любит скороговорки) о своих детях, о жене и о себе. Показываю фотографию малыша. Она пристально ее разглядывает и горестно вздыхает:

— А я вот...

Ее красивые, тонкие пальцы, вздрагивая, прижимаются к губам. Она силится удержаться от слез.

Я смотрю на пружину, выпирающую из дивана, и нечаянно трогаю ее.

— Диван пора поменять,— замечает тетя Натэла.— А я не хочу. Квартиру новую давали в Сабуртало[1]. Отказалась. Пусть будет все так, как было.

Шалва смотрит на часы и смущенно говорит:

— Мне уже пора. Меня ждут на работе.

Я поднимаюсь:

— Нам всем пора.

— Что же, мальчики, ступайте. Вы всегда спешите. Сандро тоже всегда спешил. Спасибо, что зашли...

Прощаемся. Долго смотрю в ее лицо. Одна морщинка, другая... Как их много! Стараюсь запомнить каждую черточку. Когда еще придется увидеться, да и придется ли? Кто знает...

Она обнимает меня сухими, потемневшими руками, целует и что-то шепчет...

...Могила Сандро в самом конце аллеи. Красного мрамора надгробие и небольшой обелиск. «Сандро Чхартишвили. 1923—1954 гг.» — высечено золотом. В уголке, рядом со скамейкой, поднялась тоненькая вишенка. И всюду цветы, цветы — живые цветы...

...В землянку командира особой группы разведки вслед за мной вошел высокий смуглый юноша. Огромные, чуточку навыкате, насмешливые карие глаза. Тонкая ниточка усов. На гимнастерке орден Красного Знамени.

[1] Сабуртало — новый жилой район в Тбилиси *(груз.)*.

— Сержант Чхартишвили по вашему приказанию прибыл!

— Садитесь, хлопцы,— сказал нам капитан.— Оба вы присланы комсомолом. На задания теперь будете ходить вдвоем. Сандро назначаю старшим,— и обратился ко мне: — Следи за ним: горяч он. Он командир, ну, а ты — комиссар. В бой, хлопцы, ни в коем случае ни с кем не вступать, ни в какие истории не ввязываться! Помните, вы разведчики: только зорче наблюдать, больше увидеть, больше запомнить и обо всем докладывать.

...В мартовском лесу сыро и холодно. Брезжит рассвет. Тяжелый туман оседает на землю. Всю ночь мы лежим рядом с шоссейной дорогой, прижавшись друг к другу, неподвижно, придавленные туманом.

Слышится гул. В просвете между деревьями мелькнули черные кресты. Это фашистские танки. Один, другой, третий... десятый.

— Ползут, жабы! — цедит сквозь зубы Сандро.—Может, махнем? — возбужденно шепчет он.— Гранаты, кацо, есть!

Мне тоже очень хочется «махнуть». Но приказано только наблюдать и докладывать. Я осторожно, по-дружески сжимаю локоть Сандро. И он понимает: приказ есть приказ...

На обратном пути, возле деревни, нас засекают фашистские автоматчики. Поднимается такой переполох, будто целый полк идет в наступление. Мы бежим, не отстреливаясь. Вот уже видны деревья на опушке. Падаю. И не могу дальше двигаться: ноги перебиты. Сандро ползет и тащит меня за ворот полушубка. Над головами свистят трассирующие пули. Одной такой вполне достаточно...

Фашисты нас преследуют.

— Брось, Сандро, уходи один...

— Замолчи! — хрипит он.

Уже слышится чужая отрывистая речь. Вдруг Сандро рывком поднимает меня на руки и в несколько прыжков достигает ближайших елей.

Хлопает мина.

Очнулся я в землянке. Слышу голос нашего врача.

— Ранение в левое легкое. Оперировать Чхартишвили опасно.

Нас отправили в тыловой госпиталь. Капитально отремонтировали. Сандро хотели выдать белый билет. Но

разве могла выдержать атаку разведчика председатель медицинской комиссии, уже немолодая женщина со строгим лицом и добрым сердцем.

Дали нам по две недели отпуска для поездки домой.

— Куда выписывать литер? — спрашивает у меня старшина медицинской службы.

Я соображаю, куда бы поехать. Мой родной город еще не освобожден.

— Пиши: два Тбилиси! — говорит ей Сандро. И уже мне: — Тбилиси такой город, такой город — лучше Парижа! Постой, зачем рассказываю? — смеется он.— Увидишь — оценишь!

Трое суток железнодорожной тряски, и мы — в Тбилиси.

Тетя Натэла ухаживала за нами, как за маленькими ребятишками, отпаивала козьим молоком.

По ночам Сандро мучительно и надсадно кашлял. Проклятый осколок давал о себе знать. Каждый приступ кашля свистящим звуком мины пронзал мой слух и болью отдавался в сердце: из-за меня ранен был он в ту мартовскую ночь...

Как один день пролетели две недели. А возвратившись в свою часть, мы опять ходили в разведку, но уже на чужой земле. Командир уже редко посылал Сандро на задания. Поручал ему обработку разведданных. Сандро буравил глазами майора, но мирился: он не первый год воевал, знал, что такое дисциплина.

Но не долго моему другу пришлось огорчаться. Кончилась война.

Вызывает нас командир, улыбается и говорит:

— Вот и отвоевались... Теперь куда думаете, хлопцы?

Сандро отвечает за обоих:

— Еще не решили. А куда всего нужнее?

— Хозяйство восстанавливать надо, раны залечивать. Города, что мы проезжали, сами видели. Всюду пепел, руины, Донбасс разрушен.

И мы в Донбассе. Оба комсорги шахт. Сандро настоял, чтобы его направили на самую запущенную, с разрушенными и затопленными штреками. Меня послали на шахту, уже выдававшую на-гора уголь. И сколько я ни убеждал Сандро поменяться местами, он не соглашался.

Прихожу как-то в горком комсомола. Дверь в кабинет секретаря открыта.

Секретарь, чистенький блондин в пестром галстучке, выговаривает Сандро:

— Сколько можно?! Как ни позвонишь, никогда в кабинете нет...

Сандро нахмурился, глаза сверкают.

— Не канцелярская крыса — по кабинетам сидеть! — сдерживая гнев, говорит он.— Был в шахте и буду! Уголь-то вот как нужен! — Сандро проводит ребром ладони по острому кадыку.

— Как знаете, придется искать замену...— зло кидает молоденький секретарь.

— Ты смотри, что этот говорит,— обращается Сандро ко мне.— Да за такие слова!..

Сандро вскакивает. Я легонько сжимаю его локоть, и он понимает меня без слов. Мы идем в горком партии.

Два года работали мы в Донбассе. По праву старшего он первым шел на самые ответственные дела, помогая мне своим авторитетом и опытом, как тогда, в лесу, прикрыл собой.

А потом судьба развела нас надолго. Меня отозвали в Москву. Сандро уехал в родной Тбилиси.

Виделись редко. Письмами друг друга тоже не баловали. Сандро по горло был занят на стройке, учился заочно в институте. Меня одолевали служебные командировки.

Как-то я заехал к Сандро с курорта. (А он не был в отпуске несколько лет.) Мы сидели за тем же столом, за которым сегодня я сидел с товарищами. Тетя Натэла жаловалась мне:

— Все люди как люди. А этот хоть и секретарём райкома партии стал, а все такой же непослушный. Говорю, пойди к врачам. А ему все некогда.

— Подожди, мама, осталось совсем немного.

— Не согласен я с тобой, Сандро!

— Почему так, кацо? Или я уже не командир?! — Сандро нарочито строго смотрит на меня.

— Поедем, Сандро, в Москву! Самых лучших врачей разыщем!

— Хорошо, генацвале, на этот раз уговорил, поеду! Вот закончим только строительство школ. Понимаешь, ребята в три смены учатся...

Сандро вдруг закашлялся. Встал. Лицо его побледнело.

— Сандро, что с тобой?! — кинулся я к нему.

— Опять осколок беспокоит,— ответила за Сандро мать.— Пойду вызову врача.

— Не надо, мама,— прохрипел Сандро и, прижимая ладонь к сердцу, медленно пошел на террасу. Он облокотился о перила и опять закашлялся.

Я рванулся к нему...

«Сандро, Сандро!» — пытался я удержать его, но он непослушно оседал на пол...

...Отар дотронулся до моего плеча и показал на часы.

В который раз смотрел я на обелиск. «Прости, я не сделал всего, что мог, чтобы уберечь тебя, мой друг, мой брат...»

Как часто раскаяние приходит непоправимо поздно. Простить могут только живые, как простила меня старая мать Сандро. Но прощу ли себя я!

ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ

В годы комсомольской юности мне пришлось несколько месяцев совмещать в одном лице обязанности секретаря обкома комсомола и редактора вновь созданной молодежной газеты. Однажды за полночь верстаю план очередного номера. Вдруг звонок секретаря обкома партии. Советует дать очерк ко дню Победы. Утром откладываю все обкомовские дела и еду в райвоенкомат.

— Стало быть, говорите, приказано написать о фронтовике? — переспросил меня с участием старший лейтенант. Немолодое приветливое лицо его, покрытое на лбу и вокруг рта паутинкой морщинок, выражало одобрение. Он встал из-за стола, расправил складки на гимнастерке под ремнем, открыл дверцу большого несгораемого шкафа, где хранились личные дела бывших фронтовиков. Орденская колодка на его груди поблескивала разноцветными ленточками, среди которых я сразу узнал медаль за взятие Берлина.

— Кандидатуру мы вам сию минуту назовем,—он вынул из шкафа потертую папку.—Вот лейтенант Миронов. Его батарея под Москвой в сорок первом только за один бой уничтожила восемь фашистских танков. А сейчас он на заводе мастером. Правда, в санатории он, на днях прибудет.

— Жаль, материал в номер срочный, надо было сдать еще вчера.

— Ну, тогда вот майор Фирсов, разведчик,—раскрыл он следующую папку.—В сорок втором под Керчью совершил с группой рейд в тыл врага, взял в плен роту фа-

шистских солдат. Награжден орденом Ленина. Имеет два ранения. Коммунист. Работал механиком в автохозяйстве, сейчас на пенсии, живет за городом, здесь недалеко, вот адрес.

— Полтора часа туда, столько же обратно, на беседу часа три, а то и все пять — как пойдет разговор. Да еще надо отписываться. А я в цейтноте.

— Может, другую кандидатуру посмотрим? Как хотите, вам виднее.

Старший лейтенант закрыл папку, подвинул ее на край стола. Я соображал, как лучше поступить. В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул старший лейтенант и, увидев высокого, плечистого, в светло-сером костюме мужчину, заулыбался ему, как старому знакомому.

— Здравствуйте, товарищ полковник. На ловца, как говорится, и зверь бежит.

— Здравия желаю!—отчеканил вошедший и, поскрипывая начищенными ботинками, подошел к столу.— Прибыл по вашему вызову.

— Для вас есть путевка, можете получить.

— Благодарю.

— Знакомьтесь, пожалуйста. Это товарищ из газеты,— представил он меня,— а это полковник Иван Афанасьевич Русаков — летчик-штурмовик.

— В отставке,— уточнил полковник, сильно, словно клещами, сжав мне руку.— Правильно, летчик, но... бывший,— и, как мне показалось, печально улыбнулся.— Строевой пенсионер.

— Это точно, как всегда, в строю,— с ноткой уважения сказал старший лейтенант.— При домоуправлении ведет кружок авиамоделистов. Ребятишки к нему гурьбой. Да вы спросите у него самого. Иван Афанасьевич?!.

— Чем могу служить? — вопросом к нам обоим обратился полковник.

— Расскажите, пожалуйста, что-либо интересное о войне,— попросил я.— Есть ведь о чем?

Полковник Русаков сел в кресло, на минуту задумался, приглаживая седые виски.

— Конечно, есть, но задача поставлена не из легких. У меня в полку что ни человек, то герой. О ком же вам рассказать? — опять задумался и потер виски.— Ну, вот хотя бы о летчике комсомольце Васе Иванове. Младший лейтенант, командир звена. Сбил два «фокке-вульфа».

В бою был три раза подбит. Однажды еле дотянул на израненной машине. Летит он, а крылья снарядами пробиты, как решето. Кружит над аэродромом, ждет, пока сядут другие самолеты. Делает правильно: неизвестно, как поведет себя подбитый самолет на посадке, может товарищам помешать. Наконец, сел на фюзеляж. Шасси были перебиты, не выпускались. Подбегаем к нему. «Ну, думаю, тут и костей не соберешь». Вытащили санитары Васю из кабины. Голова вся в крови. «Живой я»,— сказал Вася и потерял сознание. В госпитале долго лежал. А потом опять воевал, вместе с полком дошел до Берлина. Сейчас где-то дипломатом, хороший был летчик.

Полковник, вспоминая, снова задумался, потом продолжал:

— А в соседнем штурмовом полку воевал летчик по фамилии Сивков, командир эскадрильи. Сделал за войну на штурмовике двести сорок семь боевых вылетов. Пять раз садился на вынужденную, один раз на территории противника. Спас его тогда отважный парень Николай Калинин, вывез своего командира. Погиб потом Николай на Таманском полуострове. Посмертно присвоено ему звание Героя Советского Союза. А Григорию Сивкову посчастливилось участвовать в параде Победы. Правда, был и он несколько раз ранен. Теперь дважды Герой Советского Союза.

— Где он сейчас?

— Слыхал я, в академии Жуковского. После войны у нас многие летчики поступили в академию. А командовал полком, где служил Сивков, гвардии подполковник Николай Антонович Зуб. Герой Советского Союза. Отважный был человек, еще в Испании воевал. Замечательный летчик. Погиб он на «Голубой линии» — так называли фашисты свой укрепленный рубеж от Новороссийска до плавней реки Протока. Прямое попадание зенитного снаряда. Вел он тогда около сотни самолетов на штурм вражеских позиций. Шел на самой опасной высоте. Примером для всех нас был коммунист Зуб. Одиннадцать Героев Советского Союза воспитал его полк. Дружные ребята подобрались, до сих пор свято блюдут фронтовую дружбу: каждый год в День Победы встречаются они возле памятника Юрию Долгорукому, в Москве. Да и мои хлопцы тоже не дают погаснуть огню фронтового товарищества. Что может быть сильнее дружбы, скрепленной кровью... Часто вспоминаем погибших друзей...

Лицо Ивана Афанасьевича сделалось суровым, цепкие, живые василькового цвета глаза помрачнели, на переносице сошлись две глубокие борозды войны — морщины.

Старший лейтенант, по-видимому, тоже вспоминая своих фронтовых друзей, сосредоточенно, молча глядел на полковника, подперев подбородок руками.

— Вы о себе ничего не сказали, товарищ полковник,— нарушил я молчание.— Расскажите, пожалуйста, биографию.

— Биография как у многих,— сказал он дрожащим от только что пережитого волнения голосом.— Ничего особо примечательного. Родился в 1911 году на Украине. Отец пропал без вести в первую империалистическую. Нас у матери осталось восемь человек. Окончил я школу в селе. Работал у кулака на мельнице. Потом поступил учеником слесаря на завод, был такой в Николаеве завод «Плуг и молот». Там осенью двадцать седьмого года меня приняли в комсомол. По спецнабору в тридцать третьем направлен в школу военных летчиков в Сталинград, окончил ее в тридцать шестом. Там же вступил в партию. Награжден орденом Красного Знамени за боевые заслуги. Потом был на финской. Второй орден Красного Знамени. Великую Отечественную встретил майором на границе в Молдавии, там базировался наш истребительный полк. Был я начальником штаба полка, участвовал в боевых вылетах. Дали мне орден Ленина и штурмовой авиаполк. Каких-то особых заслуг не имею, воевал как и все...

— Дай бог каждому так воевать! — заметил старший лейтенант.— Одних правительственных наград одиннадцать! Есть о чем вспомнить.

— Есть...— задумчиво подтвердил полковник и погладил руками колени.— Много дорог разных пройдено.— Глаза его стали грустными.

— Иван Афанасьевич, расскажите, пожалуйста, о самом памятном событии из вашей фронтовой жизни,— попросил я полковника.

Лицо полковника помрачнело, он снова погладил руками колени.

— Для меня таким днем было 13 сентября 1943 года. Будь он трижды проклят, тот роковой день... Случилось это месяца два спустя после присвоения мне звания полковника. Сижу утром на КП, погода нелетная — и

вдруг приказ командира дивизии: срочно разведать местонахождение противника!

Линия фронта постоянно меняется. Точные сведения необходимы для артиллерии и бомбардировочной авиации, чтобы нечаянно не угодить по своим, как однажды случилось у соседей. За этим теперь строго следит командование. Правильно, бить надо только наверняка!

Полковник сжал в кулаки пальцы. Старший лейтенант понимающе кивнул ему головой.

— Нужна точная разведка. А в полку одни новички, не летавшие еще на боевые задания. Правда, командиры эскадрилий — опытные летчики. Принял решение лететь парой с командиром второй эскадрильи Хромченко.

Самолеты всегда наготове. Молодцы были ребята техники! Когда они только отдыхали — уму непостижимо. Днем и ночью возле машин.

Лицо полковника оживилось, разгладились на переносице морщины.

— Взлетели мы с Хромченко. Часов около девяти утра это было, а видимость как в сумерках; облака клочьями висят у самой земли, ни черта толком разобрать нельзя. Идем, как всегда, на бреющем. Миновали линию фронта. Небо немного стало очищаться, появились просветы между облаками. Поднялись мы повыше, метров на пятьсот. Подошли к железнодорожной станции. Четыре эшелона стоят с пехотой и техникой.

«Внимание! — говорю в мегафон своему ведомому.— Приготовиться к атаке! Держитесь плотнее за мной».

«Понял вас, понял, вижу эшелоны»,—отвечает Гриша.

Отважный был парень, погиб он под Севастополем. Лучший летчик полка, мастер штурмовых ударов.

— Приказ был только разведать,— перебил полковника старший лейтенант.— Почему же вы приняли решение атаковать?

Полковник с хитринкой глянул на старшего лейтенанта и пояснил, обращаясь ко мне:

— Чтоб фрицы не подумали, что мы идем на разведку. А то отправят эшелоны, тогда нашим бомбардировщикам уже нечего будет делать. Пусть фрицы думают, что это обычный боевой вылет... Обработали, как положено, эшелоны из пушек и пулеметов. А со второго захода пустили ракетные снаряды. Панику большую нагнали. До ночи провозятся фрицы. А там, как раз, подоспеют наши бомбардировщики.

Дальше идем, ведомый точно следует за мной.

«Возьмем еще километров двадцать в глубину,— говорю в мегафон,— посмотрим, как там у фрицев».

Гриша отвечает, что понял, и держится впритык к моей машине. Молодец парень, умел строй держать.

Пролетели километров десять. Небо совсем очистилось, видимость отличная. Вдалеке — аэродром противника, на стоянке два ряда самолетов. Ну, думаю, будем атаковать. Слышу в наушниках голос Гриши: «Справа два «мессера», заходят для атаки!»

«Первого беру на себя! — кричу своему ведомому.— Второго атакуешь ты!»

Но первый не принял боя, ушел в сторону. А второго Гриша прошил очередью из пулеметов, и тот врезался в землю. Тут и зенитки открыли огонь.

«Уходи домой! — кричу Грише.— Немедленно доложи данные разведки! Аэродром атакую один».

Гриша послушно взял курс 180°.

— Иван Афанасьевич, а почему вы пошли один? — не удержался от вопроса старший лейтенант.— Можно же было уйти.

— Можно,— жестко сказал полковник,— и нельзя!

— А-а, понимаю, честолюбие?

Полковник медленно покачал головой, глядя в упор на старшего лейтенанта.

— Нет, не честолюбие, хотя каждый солдат должен обладать этим качеством. Но в данном случае не это было главным.

— А что же тогда?—удивленно спросил старший лейтенант.

— Бомбы. На самолете ведомого их не было. Летели же на разведку.

— А на вашем?

— Мой самолет, как обычно, с бомбами. Садиться с ними нельзя, а сбросить куда попало—это уж, простите... Как тогда требовать с подчиненных? Дисциплина есть дисциплина, одна — для всех!

Уши и щеки старшего лейтенанта порозовели. Полковник, обращаясь ко мне, продолжал:

— Вошел в пикирование, сбросил бомбы и — домой. Чужих истребителей не видно, но зенитка лупит вовсю. Из-под огня аэродромных пушек кое-как ушел. А вот когда пролетал над железнодорожной станцией, тут уж меня как следует встретили «эрликоны». Кругом черно-серые

оспины от разрывов снарядов, сплошная стена огня, ад кромешный.

Слышу: ударило по правому крылу, глянул в форточку — дыра, но самолет продолжает лететь. Вдруг сильный взрыв под кабиной. Машина провалилась, как в яму. «Ну, это конец,— пронеслось вихрем в голове,— отлетал ты свое, Иван...» А мотор работает, самолет управляем, только в кабине запахло паленым и сделалось очень жарко. Двигатель цел, но маслосистема пробита. Это опасно. Надо немедленно садиться, пока не заклинило мотор. Высота еще есть, тяну ближе к своим. Впереди, на нейтральной полосе,—поле. И вдруг смолк мотор. Тишина, жуткая, как на кладбище. Машинально убираю шасси и сажусь на фюзеляж. А дальше ничего не помню, потерял сознание.

Полковник умолк, отрывисто, тяжело дыша, заново переживая страшные минуты вынужденной посадки, потом глухим, осевшим голосом сказал:

— Очнулся в медсанбате. В бинтах весь, точно мумия. Прислушался: родные русские слова. Возле меня какая-то девочка, совсем подросток, всхлипывает.

«Болит, дяденька? — шепчет она, а сама смотрит, точно на выходца с того света.— Очень больно?»

«Нет,— говорю,— не очень, только пятки зудят, а почесать не могу».

«Ноги вам отняли,— а сама навзрыд плачет.— Гангрена. Только не говорите врачам, что я сказала».

Тряхнуло меня, точно волной от разорвавшейся бомбы,— и опять потерял сознание. А когда в себя пришел, остался один, заревел, как ребенок, от обиды и злости.

Полковник наклонился, долгий, немигающий взгляд его замер на носках ботинок. Мы со старшим лейтенантом, потрясенные услышанным, тихо сидели, ожидая, когда полковник продолжит свой рассказ. Через минуту он выпрямился и спокойно продолжал:

— Приехали ребята из полка, проводили меня в тыловой госпиталь, в Омск. Там пролежал полгода, понемногу к чужим ногам привык. Летать больше уже не пришлось. Врачи не пустили. Первое время работал на аэродроме, в гражданке, но долго не мог: как услышу рев самолета, так... Ушел на завод. Слесарем трудно, а другой специальности — никакой. Так уж у всех летчиков: на земле не у дел. Направили на курсы, мастером стал. А теперь вот вожусь с ребятишками, может быть, тоже

полюбят авиацию... А вы говорите, честолюбие,— с полуиронической улыбкой сказал он старшему лейтенанту. Тот хотел было что-то ответить, но в это время распахнулась дверь, показался мужчина на костылях.

— Капитан Маслов,— представился он.— Разрешите войти? — и, грузно наваливаясь на костыли, остановился посреди комнаты.— Прибыл за путевкой.

— Будет недели через две,— извиняющимся тоном сказал старший лейтенант.— Подождите.

— Второй месяц жду...

— Сейчас выдаем фронтовикам старшего комсостава, а потом ваша очередь.

— А мы кто, не фронтовики?! — шрамы от ожога на лице капитана посинели.— Когда Днепр форсировали на этих вот самых,— он взглядом указал на свои ноги,— когда они еще обходились без деревянных помощников, то нас считали фронтовиками. А теперь?..

— Путевка вам положена,— прервал его старший лейтенант,— но сначала пройдет старший комсостав. Не я же установил такой порядок.

— Люди за вас кровь проливали! Куда мне теперь вот с ними? — капитан кивнул на ноги.— Врачи говорят, лечить надо, может, еще отойдут. А ты мне: порядок... На недельку бы тебя в мой батальон. Тогда б знал, почем цена ногам в пехоте,— хрипло проговорил он, тяжело опираясь на костыли.

Лицо его исказилось гримасой гнева и обиды, стуча костылями, он сделал шаг к столу старшего лейтенанта.

— Зря горячитесь, товарищ,— вмешался полковник, молчаливо наблюдавший эту сцену.

— А вы мне не указ,— сердито буркнул капитан.

— Садитесь, говорю! — сказал полковник тоном, не терпящим возражений.— Садитесь!

Капитан тяжело опустился в кресло, сложил костыли между вытянутыми, словно палки, негнувшимися ногами.

— Вижу, воевали вы достойно,— сказал полковник, глядя на обожженное лицо капитана и три ряда орденских колодочек на его груди.— Берите мою путевку.

Старший лейтенант удивленно вскинул брови:

— А как же вы, Иван Афанасьевич?

— Путевку мою отдать капитану! — тоном приказа повторил полковник Русаков.— Пусть капитан едет лечиться.— И кивком попрощавшись со всеми, направился, слегка покачиваясь, к выходу.

УХА ИЗ СУДАКА

Крутая волна глухо ударила о борт, разлилась по палубе шипящей пеной.

Стоявший на корме матрос Витька Ожогин покачнулся и раздраженно бросил: «Ну, куда он лезет... В самую середину норовит, точно теплоход... Тоже мне капитан... Нет, чтобы идти, как Иван Кузьмич, по-над берегом...»

Маленький приземистый катер рыбоохраны «Сиваш», зарываясь носом в воду и надрывно урча мотором, упрямо держал курс вниз по Волге.

Витька с неприязнью глядел на затылок, маячивший в заднем смотровом окне капитанской рубки, и перебирал в памяти события минувшего утра.

Начальник отдела плавсостава собрал на берегу команду «Сиваша».

— Нового капитана вам привез, Кузьмича положили в больницу. Врачи говорят, рак желудка, оперировать будут...— помолчал, в грустном раздумье оглядел команду и остановился на помощнике капитана. Тот, метивший сам в капитаны, слегка побледнел в лице и криво усмехнулся.— Помогайте тут Георгию Митрофановичу, человек он, правда, опытный, но все же...

Новый капитан был лысый, болезненно-желтый, сморщенный, точно шампиньон от мороза.

— Прошу, как говорится, любить да жаловать. Хорошего плаванья... Бывай здоров, Гоша,— крепко потряс начальник отдела руку новому капитану и кивком попрощался с командой катера.

Витьку ошеломила неприятная новость. Он растерянно глядел на товарищей, не зная куда деть крупные, сразу отяжелевшие руки.

Старый бывалый матрос Ветров отнесся ко всему с полным безразличием. Ему было все равно, с кем плавать. Мотористом он был хорошим, видел на своем веку разных капитанов и к тому же собирался на пенсию.

— По местам! — отрывисто крикнул новый капитан и первым вошел по трапу на катер.— Отдать швартовы!

— Есть отдать швартовы! — машинально ответил на команду Витька и отцепил чалку.

— Малый вперед! — слышал он, словно во сне, громкий голос нового капитана.

— Ну, чего орешь, тут не глухие... Иван Кузьмич, бывало, скажет: «Ну, ребятки, поплыли?» — и подымется в рубку.

Заработал винт. Снизу под кормой заурчало и несколько раз булькнуло, точно там кто-то вдруг захлебнулся. Со дна поднялись илистые круги. Катер отошел от причала и, пройдя по узкому коридору между моторными лодками, выбрался из бухты Золотой затон в дельту реки.

Осеннее солнце грело по-летнему. Освежающе дул сыроватый ветерок. По обеим сторонам низких берегов виднелись опустевшие нивы и начавшие желтеть кроны курчавых берез и старых ив. Навстречу торопились в Астрахань буксиры с баржами, груженными рыбой и арбузами. Стояла пора хлебосольной ранней осени. Но она не радовала Витьку. Тяжело переживал он весть о болезни своего наставника.

Два года назад встретились они случайно в Одессе. Витька тогда еще был в детдоме и собирался определиться куда-нибудь на работу. Вот и взял его с собой на катер Иван Кузьмич, помог устроиться в общежитии. «Поработаешь годок, другой, в школу пошлем. Глядишь, тоже будешь капитаном...» Первое время по-отцовски опекал Виктора. А потом, видя, как тот со старательным упорством выполняет нелегкую матросскую службу, не курит и вином не балуется, заработанные деньги не пускает на ветер, Иван Кузьмич дал полную волю Витьке, но по-прежнему следил за ним, готовый в любую минуту прийти на помощь.

Витька во всем старался подражать Ивану Кузьмичу, даже ходить теперь стал как он: чуть покачиваясь из стороны в сторону, широко и твердо ступая по земле.

«Сойдем на берег, сразу пойду в больницу. Гостинцев

куплю и самого лучшего коньяка бутылку... Небось не будет он за это ругать... Попрошу врачей, может, разрешат ему по мензурке перед обедом...»

— Всем стоять по местам!— донеслось до Витьки.— Будем швартоваться.

Катер сбавил ход, развернулся против течения и тихо подплыл к барже. Там колхозники грузили арбузы и ящики с помидорами.

Витька наготове стоял у борта, чтобы бросить чалку подбежавшему с баржи парню.

Помощник капитана, не дождавшись, пока пришвартуется катер, перелез на ходу в баржу и направился к стайке женщин, сидевших на берегу возле огромной горы арбузов.

Старый матрос, высунув голову из машинного люка, крикнул ему вдогонку:

— Арбузы и помидоры к обеду не забудь...— он сел на приступку, под ветерок, подальше от пышущего жаром двигателя.

Капитан подозвал Витьку.

— Живо привести в порядок палубу!—жестко сказал он.— Перед людьми стыдно. Такой шурум-бурум, точно Мамай прошел... Мне чтобы всегда было чин-чином!..— и не спеша перелез в баржу. Там его уже поджидал колхозный бригадир.

Витька без прежней охоты и старанья принялся драить палубу, временами искоса поглядывая на баржу. Капитан, жестикулируя, о чем-то оживленно разговаривал с бригадиром. Мимо них прошел помощник капитана, сгибаясь под тяжестью мешка с арбузами. Две девушки тащили вслед ящик с помидорами.

— Принимай подарок, салага!—крикнул он небрежно Витьке, спуская за борт мешок.— На-ка, сховай! Концами переложи, чтоб не побились, да смотри, чтоб, концыто не в масле были, а то...— Потом взял из рук девушек ящик.— Помидорчики, я те скажу: один к одному отобрали, как на выставку. И в уху бросим, и домой останется... В каюту к себе отнесу...

Пока Витька возился с арбузами у кормового трюма, на катер вернулся капитан. Витька слышал, как он спросил у помощника:

— Деньги уплатил?

— Не... А что?

— На-ка, поди отдай.

Витька видел, как капитан достал из бумажника десять рублей и протянул помощнику.

— Зачем? Этого добра там навалом, только неси...

— Возьмите и уплатите, потом разложите на всех. Сдачу, за минусом моей доли, вернете мне. Ясно?

— Ясно...

Помощник покраснел и молча полез назад в баржу. Помрачневший капитан, придирчиво осматривая хозяйство, прошелся по катеру.

А когда команда собралась в кубрике за обеденным столом, капитан, ни на кого не глядя, хрипло сказал:

— Никаких поборов чтобы больше не было. Харчи надо захватывать из дома. Разрешаю брать только рыбу на котел, это дозволено...

Капитан разложил на столе узелок с едой. Потом достал из кармана четвертинку, отпил глоток и стал медленно жевать отварную говядину, нарезанную мелкими ломтиками, вприкуску с черствым белым хлебом.

— Может, ушицы отведаете, Георгий Митрофаныч?— предложил помощник капитану.— Не уха, а одно объеденье!

— Нет, спасибо.

— Правда, уха на ять, пальчики оближешь. Витька варил, умеет, собачий сын, как заправский кок. Вот если б водочки еще...

— И перцовая, ей-ей, пойдет,— причмокнул, оживился старый матрос Ветров.— А нет, так и вермутом можно обойтись... Витька сбегает. Это он разом туда-сюда, а? — посмотрел выжидающе на капитана.

— Вернемся домой, пейте сколько угодно, а здесь нельзя.

«Ну, да другим запрещает,— с укоризной подумал Витька.— А сам уже приложился... Самому все дозволено...»

— Может, все-таки испробуете ухи, Георгий Митрофаныч? — снова предложил помощник.— Чисто сготовлена, ни одной песчинки.

— Спасибо, спасибо. Уху кто ж не любит, но нельзя мне. Второй год желудком мучаюсь. Вот пью сок желудочный.— Капитан закупорил четвертинку и спрятал в карман.— А от кружки чая не откажусь, крепким чайком побалуюсь,— с сожалением глянул на большую эмалированную миску, доверху наполненную тушками вареной рыбы. Вкусно пахли белые судаки, жирная красно-

перка и нежно-розовый сазан. В кастрюле золотом поблескивала сдобренная помидорами, перцем и лавровым листом юшка. Рядом высилась горка душистого белого хлеба, нарезанного крупными ломтями.

Команда молча разбирала уху. Капитан, сложив остатки мяса в узелок и напившись чая, встал из-за стола, направился на отдых в свою каюту.

Помощник капитана подмигнул Ветрову.

— Так-то оно теперь будет,— минутой спустя невесело сказал он и ехидно усмехнулся.

Старый матрос аппетитно обсасывал жирное брюшко красноперки.

Витька задумчиво разломил судака. «Икряной попался. Икру Иван Кузьмич всегда ел в последнюю очередь. А потом запивал наваристой юшкой...»

— Капитаны везде одинаковы,— вытирая мякишем хлеба жир на губах, промолвил старый матрос.— Все они любят порядок блюсти. На то они капитаны.

После короткого отдыха команда снова находилась на своих местах. Катер плыл вниз по реке, держался совсем близко у берега.

«И чего он все жмется к берегу,— думал Витька о капитане.— Места тут глубокие, и ширина — глазом не окинешь. А он жмется. Иван Кузьмич тут всегда посередке шел...»

Солнце клонилось к закату. Небо заволакивало облаками. Заметно похолодало. Витька надел теплую фуфайку и, примостившись на корме, смотрел по сторонам.

Торопливо пролетела стая уток. Прокричала одинокая чайка. Берега стали однообразными и скучными. Справа совсем не было деревьев, а слева, вдали, у самого горизонта виднелись серые пожухлые заросли ивняка. Лишь на поверхности светло-зеленой воды игриво колыхались крупные солнечные пятна. Косая волна захлестывала палубу, норовила прибить катер к берегу.

Тем временем повернули к моторной лодке, стоявшей на якоре неподалеку от берега. Витька увидел фигуры в брезентовых плащах. Одна стала спешно выбирать сеть из воды, другая взялась за удочку.

Капитан подвел катер вплотную к лодке, немного развернул, чтобы не заносило волной, и вышел из рубки.

— Побудь у штурвала,— приказал он Витьке,— держи на малых оборотах,— и направился к лодке. За ним поспешил помощник.

— Здравствуйте, люди добрые! — услышал Витька насмешливый голос капитана.— Осетровых ловим? А лицензии имеются?

— Какие ж лицензии?— невозмутимо ответил голос, похожий на женский.— На спининг ловим, по закону.

— А сеть зачем?

— Просто так взяли, на всякий случай,— теперь уже Витька услышал бас.— Ни разочка не притонили, вот те крест!

— А почему мокрая? — опять насмешливо сказал капитан.— Теплоходам дорогу перегораживали? Сеть забрать! — скомандовал он помощнику.— Считать конфискованной.

— Есть! — бойко ответил тот и спрыгнул в лодку.

— Я те дам, не смей! — преградил ему дорогу дюжий рябой мужчина.— Так разрисую, родные не признают!..

— Оставьте сеть, отблагодарим,— попросил женский голос.— Там у нас беленькая имеется...

— Поберегите для себя,— ответил капитан.— А не хотите сеть отдавать, тогда в речной милиции поговорим по-другому.

— Ладно, бери, подавись ты ей,— хрипло выкрикнул рябой.— Забирайте, чертовы опричники,— и разразился непристойной руганью.

— Будете выражаться, свезем в милицию,— строго предупредил его капитан.— А ружье спрячьте. Охота на водяную дичь еще не разрешена.

— Какое тебе-то дело? — с вызовом пробасил рябой.— Твое дело сети отбирать. Отобрал и катись.

— А я на всякий случай говорю, чтобы от греха подальше.

— Катись ты, знаешь куда?! — лицо рябого побагровело от злобы.— Советчик нашелся. Без тебя, что ли, не знаем?..

Капитан уже поднялся в рубку. Катер тихо отплывал, беря курс на ближайший пост рыбоохраны.

Витька видел, как рябой погрозил кулаком им вслед.

«Иван Кузьмич так бы не поступил,— подумал Витька.— Он бы прихватил на месте, с рыбой, поймал бы с поличным. А что сеть?..»

Резкий порыв ветра отогнал Витькины мысли. Витька с ожесточением принялся мыть шваброй палубу. Управившись с нудной работой, он опять стал наблюдать за берегом.

Показалась приземистая баржа — рыбница. Катер развернулся против течения и стал медленно подплывать. Витька стоял уже у борта, держа наготове канат-чалку. С баржи ему улыбался знакомый старик татарин, приемщик рыбы.

Когда катер стукнулся бортом об обшивку баржи, Витька проворно соскочил на рыбницу, привычным движением ловко закрутил канат вокруг бревна.

— Ибрагимыч, здравствуй! — приветствовал Витька старика приемщика.

— Драствуй,— улыбнулся тот беззубым ртом,— драствуй, сынок.

— Как дела, дедушка?

— Рыба шибко мало идет.

— На котел разживемся?

— Выбирай. Какой душа затребует.

Витька подошел к трюму, где поверх льда лежала рыба.

— На-ка сак,— сказал ему старый приемщик,— в бассейке живой, тут один снулый рыба.

Витька взял сачок и направился к небольшому бассейну, где в воде мелькали темные спины рыб.

Витька зачерпнул сачком, вытряхнул на настил баржи несколько рыбин. «Судак попался — хорошо... Плотвица — тоже ничего... А это никак сазан — совсем хорошо». Витька снова зачерпнул сачком.

— По дну, по дну ходи,— наставлял Витьку старик приемщик,— судак хитер, прятался.

Подошел капитан, поздоровался с приемщиком, деловито оглядел сазана, шумно шлепавшего хвостом о деревянный настил баржи.

— Браконьеров не видел, папаша?

— Лодка туда прошел,— указал приемщик в сторону маяка,— браконер моя не видел.

— А ершики есть?

— Сопсем мала, снулый.

— Тащи, для ухи сгодятся.

Старик, семеня непослушными ногами, поспешил в домик. Вернулся, неся мешочек с ершами и маленький серточек.

— Спасибо, отец, что уважил,— сказал ему капитан и протянул руку к серточку.

— Это моя ему,— старик кивнул на Витьку.— Ходи, сынок, бери. Икра—ястык. Моя севрюга ловил.

Витька смущенно замешкался, принял от старика подарок и неуклюже взвалил на спину мешок с рыбой.

— Не обидели мы тебя, папаша? — спросил капитан старика.

— Зачем обидел? Моя дает — твоя берет. Твоя берет — моя дает...

— Ну, тогда бывай здоров, папаша. А дождя не будет, как думаешь?

— Не-е,— закачал головой старик.— Спина не показал дош, хороший погода будет.

— Ну, мы поплыли.

— Частливо.

Старик стоял у борта баржи, задумчиво смотрел на гребешки волн, шедших из-под винта катера.

Капитан подозвал Витьку.

— Вот это, на-ка, отдай старику,— протянул он бутылку вермута и буханку белого хлеба.— А пару судаков и сазана припрячь. Икру я у тебя возьму.

Витька молча кивнул, уже на ходу подумал: «Ишь ты, ловкий какой... Честным прикидывался, поборами, мол, заниматься нельзя. А сам?.. Вот вернемся в Астрахань, пойду проситься на другой катер или подамся на завод, если не переведут...».

Старый приемщик рыбы никак не соглашался взять у Витьки гостинец.

— Возьми, Ибрагимыч,— упрашивал его Витька.— Команда просит, не обижай, возьми. Капитан велел.

— Раз капитан — моя берет,— сощурился в доброй улыбке старик.— Бутылка хорош, икра хорош.

«Плакала икорка,— усмехнулся про себя Витька,— забрал лысый хрен и спасибо не сказал, точно у браконьера...»

— Отдать концы! — донеслось из капитанской рубки.

Витька нехотя принялся выполнять команду.

Катер тихо отошел от баржи и поплыл вниз по течению.

Солнце село за горизонт, край неба, обложенный плотными сизыми облаками, отливал бледно-желтой светлой полоской. Усилился ветер, подгоняя волжские сумерки. На катере зажглись сигнальные огни.

Витька смотрел на уменьшавшуюся в размерах баржу. Старый приемщик левой рукой прижимал к груди гостинец, а правой махал вслед катеру.

Витька, как сигнальщик, свел над головой руки, не-

сколько раз сделал ими отмашку и спустился в камбуз, чтобы загодя, как учил Иван Кузьмич, сварить уху на завтрак.

Привычная работа отвлекла Витьку. Он поставил на огонь кастрюлю с водой, почистил рыбу, вымыл ее в миске. По-рыбацки надрезал брюшко у каждой рыбьей тушки. И когда вода закипела, бросил в кастрюлю двух судаков, несколько красноперок, свежую воблу и окуня — из такой смеси всегда получалась отличная уха.

Катер неторопливо плыл, плавно покачиваясь с носа на корму.

— Сегодня на ужин пойдут макароны с мясом, чай тоже,— по-хозяйски прикидывал Витька.— Уху подогрею на завтрак. Вот и порядок...

Раздался глухой удар, катер резко качнуло с борта на борт. Из кастрюли выплеснулась уха, заливая огонь. Едкий запах заполнил камбуз. Витька чертыхнулся и открыл иллюминатор. «Опять полез под волну,— с раздражением подумал он о капитане.— Петляет, как пьяный, не может идти по прямой. У Ивана Кузьмича такого ни разу не случалось... Уха теперь прогоркнет дымом. Ему-то что, он-то все одно ее не ест...»

Загасив огонь, Витька вышел на палубу. Из иллюминатора и открытой двери камбуза валили клубы сизой гари.

— Качнуло,— виновато сказал капитан.— Живот малость прихватило, вот и прозевал волну. Ты уж извини, Виктор.

В сгустившейся темноте катер причалил к посту рыбоохраны, одинокому домику, маленькие окошки которого светились, точно два кошачьих глаза.

Команда села ужинать. Капитан пошел к инспекторам, вернувшимся с объезда своих участков. Потом в домике собралась и команда. Играли в домино, слушали радио.

Ночевали все, кроме капитана, на катере. Капитан остался на берегу.

Когда уходили из домика, Витька видел, как помощник капитана ехидно улыбнулся. Старый матрос Ветров, как всегда, молчал. «Иван Кузьмич никогда не оставался у инспекторов,— подумал Витька,— ночевал в каюте, а этому мягкую постель подавай...»

Перед рассветом капитан вернулся на катер, разбудил Витьку.

— Подъем! — крикнул он.— На-ка, спрячь осетра. Ночью словили.

«Все о себе заботится,— сонно подумал Витька.— И куда ему столько? Пуда три будет... Сам-то все равно не ест... На рынок, наверно...»

— Виктор, ты сколько классов кончил? — вдруг неожиданно спросил капитан.

— Восемь, а что?

— Так, ничего. Дальше надо учиться. А потом в мореходку. У тебя вся жизнь впереди. Не зевай, потом жалеть будет поздно. Быстро завтракать, и поплывем домой.

Капитан дружелюбно глянул на Витьку, поднялся к себе в рубку.

В обратный путь шли малым ходом, минуя отмели, окутанные клочьями утреннего тумана. У поселка Житный катер совсем сбавил ход. Капитан оставил помощника у штурвала, сам вышел на палубу, крикнул: «Ого-го-о-о» — и помахал фуражкой.

Стоявшая на берегу женщина подбежала к воде, помахала рукой вслед катеру.

— Жинка моя,— сказал капитан Витьке,— завсегда встречает.

«Сейчас, видно, повернем,— подумал Витька,— осетра отдаст и икру. Ухватистый...»

Катер, набирая скорость, проплыл мимо поселка. Туман рассеялся. Солнечные зайчики плескались на водяной зыби.

Впереди показались лодки, рыбаки выходили на утреннюю тоню. Капитан им посигналил и прошел мимо. У плавучего магазина тоже не остановился.

«Наверно, торопится на рынок,— нелестно подумал опять Витька о капитане,— поскорее сбыть осетра. Ушлый, знает, что почем...»

Витька не заметил, как они вошли в Золотой затон, и только когда стали пробираться узким коридором между лодок, Витька понял, что они уже дома.

Двигатель работал на малых оборотах — и вот совсем затих. Катер подплыл к стоянке.

Витька привычно укрепил швартовы. К нему подошел Ветров.

— Ожогин, подежурь за меня сегодня.

— Не могу.

— Подежурь, Виктор... Жену обещал свезти к родне в деревню...

— Сказал не могу, значит, не могу — и все тут. Меня одна дивчина ждет.

— Капитану сказать?

— Что мне твой капитан? График не мой? Не мой. Порядок я не нарушаю.

Капитан, по-видимому, слышал разговор, но не подал вида. Он придирчиво проверил, как Витька закрепил чалки, потом сказал собравшейся команде:

— Двое суток свободны. Уходим в субботу, в пять ноль-ноль всем быть на катере,— и Витьке: — Тащи-ка сюда рыбу!

Витька принес мешок. Капитан вытряхнул содержимое на палубу, ощупал, словно оценщик на рынке, и стал снова укладывать в мешок. Сначала осетра, потом двух судаков, сазана, мешочек с ершами, а сверху положил сверток с икрой.

Помощник капитана криво усмехнулся и подмигнул Витьке.

Старый матрос молча курил. Витька смотрел на склонившегося над мешком капитана, и в нем все кипело от возмущения. «Черт с ним, пускай берет. Все одно больше вместе не ходить. Хватит и двух дней, поплавали...»

— Пойду навещу Кузьмича,— сказал капитан.— Очень любил старик уху из судака. А икра и осетрина ему тоже сгодятся: побалует остальных больных. Он ведь у нас хлебосол...— Помолчав, добавил: — Я многим ему обязан. Это он меня вывел в капитаны,— и, взвалив на спину мешок, сошел на берег.

Мрачное Витькино лицо вдруг расплылось в радостной улыбке.

— Ладно уж, так и быть, Ветров,— отдежурю за тебя, старая каракатица. Вот только сбегаю, позвоню, чтоб знакомая не ждала.

Витька опрометью бросился к сходням.

Старый матрос недоуменно пожал плечами, покачал головой, силясь понять, какой ветер изменил настроение Виктора Ожогина.

ЖИВАЯ ВОДА

Знойный ветер накатывал упругими колючими волнами. Тревожно шевелились шафранные дюны. Когда ветер стихал, пустыня становилась похожей на мертвое море, покрытое мелкой рябью.

Сердито и натруженно урчали бульдозеры. Зубастые пасти массивных экскаваторов ловко захватывали ускользавший песок, упрямо добирались до твердого грунта.

Сквозь свист ветра, рев моторов, лязг металла Афанасий Вяльцев слышал, как весело перекликались ребята из его бригады, и верилось ему: обязательно будет пустыня плодородной.

Приложив ладонь козырьком ко лбу, Афанасий вглядывался в русло канала, ровной ниточкой уходившего в шевелившееся и расплывающееся сиреневое марево. «Еще столько же пройдем, и воду можно пускать,— думал он.— Жаль, Виктор Иванович не дождался,— вспомнил Афанасий инженера, с которым вместе начинал здесь работу.— Поторопился, а то бы порадовался с нами... Хороший человек, легко было с ним. День и ночь проводил на трассе. А этот все в конторе отсиживается, как скорпион в норе...— Неприязненно подумал он о новом руководителе работ.— Заскочит мимоходом, уколет насмешливым взглядом, кинет сквозь зубы обидное слово и опять пропадет на неделю...»

Когда розовый диск солнца скрылся за дюнами, окропив зубцы вершин, край неба легким багрянцем, и на пустыню опускалась спасительная прохлада сумерек, разгоряченный и довольный отошедшим днем, Вяльцев возвратился домой.

Сегодня его бригада отняла у пустыни очередные восемьдесят метров. Ему хотелось рассказать жене о новой победе, о том, как холостые ребята остались в ночную смену, чтобы опередить график, а его, семейного человека, отпустили.

— Утром уезжаю,— холодно и жестко бросила жена с крыльца.— Путевку прислали. Врач сказал, нельзя мне больше в песках: зелени нет и душно,— говорила она, стараясь не встречаться с Вяльцевым глазами.

От неожиданности Вяльцев остановился, нервно потер огрубевшие, бурые от машинного масла и песка ладони.

— Раз врач говорит надо, значит, надо...— выдавил он хрипло.

Запыленный и потный, в майке-безрукавке, невысокого роста, кряжистый Вяльцев почувствовал себя перед ней, дородной, в новом с яркими большими цветами халате, маленьким и несчастным человеком.

Наступила пауза.

Жаркий ветер столбом вздымал клубы оранжево-бурого песка к холодному небу.

— И главное, ты же знаешь, Афоня, воды все еще нет,— по-прежнему стараясь не смотреть мужу в глаза, сказала жена, чтобы как-то разрядить мучительное для обоих молчание.

Вяльцев глянул на прутики недавно посаженных тополей, шевеливших при порывах ветра скрученными в трубочки высохшими листьями. Деревья без воды гибли.

Воду в поселок привозили с далеких гор в специально приспособленных бензовозах, и ее едва хватало для питья, приготовления пищи, детского сада и больницы.

— Вода скоро будет,— тихо, но внятно сказал Вяльцев.— Осталось совсем немного...

— Я это слышу восьмой год...— серые глаза жены стали круглыми, зелеными и злыми.

— Будет вода! — твердо повторил Вяльцев, коротким взглядом в упор глянул на жену и торопливо взбежал по ступеням крыльца.

Хозяйским глазом окинул кухонный стол. Над грудой неубранной после завтрака посуды роилась туча ленивых мух.

Ужина и в этот вечер не было.

Вяльцев чиркнул спичкой, повернул рычажок газовой плиты и долго задумчиво глядел на желто-голубые язычки пламени: вспоминал прожитые годы. Он, тогда еще разнорабочий поисковой партии, демобилизовавшийся с погранзаставы, застенчивый и угловатый парень, и она, нормировщица-учетчица, с накрашенными ногтями и губами, к которой тянулись все ребята (да и не только ребята) из палаточного городка. Женитьба без загса, на честное слово. Ужин в палатке. Шампанское, доставленное самолетом по приказу начальника партии, чудаковатого одинокого старика, и спирт. Бесшабашные, не публиковавшиеся песни захмелевших от чужой радости ребят. И, как водится, пожелания долгой счастливой супружеской жизни. В молодой семье появились дети: старший Виктор, средний Сергей и меньшой Игорек. Вяльцев теперь лучший экскаваторщик, немало приносит домой денег. Не пьет, не курит. Все — в дом. Жить бы да жить!.. А она уезжает, говорит, по совету врача... Что-то смутное и тревожное ворвалось в душу Вяльцева. В сердцах он рубанул рукой воздух, разогнав к потолку мух, и по-мужски неловко принялся мыть посуду.

В работе Вяльцев немного забылся от навязчивых недобрых мыслей. Мирно плескалась вода в кастрюле. Позвякивали вилки и ножи. Толкаясь в оконные стекла, жужжали надоедливые мухи. Вяльцев уже не обращал на них никакого внимания.

Наскоро приготовив ужин, он ушел в детский сад за сыновьями, по дороге на улице прихватив с собой старшего сына Виктора.

Жена укладывала в чемодан вещи. А когда Вяльцев возвратился, она лежала на диване, отвернувшись лицом к стене и на голоса сыновей не отзывалась, притворялась спящей.

— Маме нездоровится.— Как обычно, предупредил отец возможные шалости детей.— Пойдемте на кухню. По-быстрому ужинать и спать!

Уложив сыновей и дождавшись, пока они заснут, Вяльцев попытался заговорить с женой:

— Я из буфета принес копченую колбасу и бутылку минеральной выпросил. Возьми с собой в дорогу...— не слыша своего голоса, сказал он и положил руку на плечо жены. Та вздрогнула, точно от электрического тока, и отдернула плечо. Зная норовистый характер супруги, Вяльцев не пытался продолжать разговора, сел возле

стола. «Жаль, Виктора Ивановича нет...— с тоскливой досадой подумал он.— Помог бы добрым словом». Вяльцев посмотрел на халат жены, и ему вспомнился спокойный, слегка хрипловатый голос инженера: «Халат у вас, Клавдия Викентьевна, как у персидской шахини... А вот ашхабадские женщины красоту свою в балахоны прячут. Чудные: обычай блюдут...»

Стараясь не потревожить жену, Вяльцев на цыпочках подошел к дивану, поправил сбившееся у ее ног одеяло, горестно и тихо вздохнул. Потом заглянул в комнату, где безмятежно посапывали дети, молча постоял минутудругую и, не раздеваясь, прикорнул на застланной орехового дерева кровати. В думах о жене и сыновьях он заснул. А утром увидел на столе записку, схватил ее в кулак, скомкал, потом бережно разгладил и пробежал, шевеля побелевшими губами. «Афоня, я не хотела тебя и мальчиков будить. Скоро вернусь. Скучайте помаленьку. К моему возвращению обязательно посадите цветы. Всех вас целую. Твоя Клавдия».

«Целую»... Вяльцеву вдруг почудился холодный поцелуй в лоб, как целуют покойников. Слово «твоя» для него приобрело такое же значение, как для людей, у которых нет свободных денег, формула промтоварного магазина: все для всех. И лишь имя Клавдия все еще имело для Вяльцева реальный, ощутимый смысл.

Проснувшимся сыновьям он сказал:

— Мама уехала лечиться...

Маленький Игорек зашмыгал носом. Сергей вопросительно глядел на отца. Виктор понимающе вздохнул и принялся подметать пол.

Отец и сыновья интуитивно почувствовали: в их жизни случилось что-то страшное и непоправимое; чувствовали каждый по-своему, согласно возрасту и знанию жизни.

Жизнь есть жизнь. Ее не властны остановить никакие события; они вольны только замедлить или ускорить поступь жизни, изменить ее привычный уклад.

Новый день начался с обычных забот: отец перед работой отвел младших сыновей в детский сад, старший отправился в школу.

Днем Вяльцеву некогда было раздумывать над случившимся. Его увлекло и целиком поглотило сражение с пустыней. Он словно слился с экскаватором. Будто не мотор ревел, а стучало его, Вяльцева, сердце в частых

и натруженных перебоях. Будто не зубья ковша, а его, Вяльцева, огрубевшие руки, с растопыренными пальцами упорно вгрызались в спрессовавшиеся пласты песчаника и пригоршнями отбрасывали вековую буро-желтую массу в отвал.

Лишь поздно вечером, уложив ребят, Вяльцев больно и тоскливо ощутил всю тяжесть случившегося. Он не ложился спать. Вымыл посуду, приготовил завтрак. Остаток ночи провел в думах, сидя на диване.

Наутро посерьезневшие сыновья, рассевшись по своим местам за столом, так и не притронулись к еде, молчаливо смотрели на помрачневшего и осунувшегося отца.

— Виктор, ты будешь за старшего,— сказал Вяльцев восьмилетнему сыну.— Когда меня нет, ты отвечаешь за Сережку и Игорька, за порядок в доме. А вы чтобы слушались! — обратился он к младшим сыновьям. Сережа кивнул головой. Игорек сказал: «Ага!» Виктор, насупившись, молчал.

— Сергей, ты подметаешь пол и застилаешь постели.

Вяльцев смахнул в пригоршню со стола хлебные крошки, стряхнул в тарелку, задумался. Младший сын истолковал это так, будто его обошли назначением, и готов был расплакаться.

— А я?..— Игорек, часто моргая, смотрел на отца.

— Ты у нас будешь старшим смотрителем за цветами.

— Мама приедет, когда они зацветут — да? — Пухлые щечки Игорька расплылись в улыбке.

Виктор свел брови в суровую складку у лба и старательно оправлял покрывало на постели. Сергей водил веником по уже подметенной половице. Вяльцев задумчиво помешивал ложечкой чай в стакане. Сыновья вдруг разом притихли и выжидающе смотрели на отца, как мужчины, разделяли с ним невесть откуда свалившееся горе.

Незаметно прошла неделя. По вечерам, после ужина, в семье Вяльцевых то и дело вспоминали мать, вели разговоры о цветах, готовились к ее приезду.

В тепличном хозяйстве нефтепромысла Вяльцев раздобыл два мешка земли. Знакомый летчик привез из Баку ящик рассады. В воскресенье разбили перед крыльцом клумбочку.

— А мама приедет, когда зацветут цветы! — на весь дом кричал Игорек и важно нес лейку с водой. Через

минуту он жаловался отцу: — Противные, не хотят быстро расти, погляди-ка!

— Им не хватает воды,— заключил отец, осмотрев хилые, поникшие лепестки.

Не сговариваясь, сыновья через день мыли посуду, наотрез отказывались от чая. Каждый сбереженный стакан выпивали цветы.

Набравшись сил, стебли становились упругими и заметно поднимались из лунок, выбросили еще по одному лепестку. А на самом крепком показался бутон с наклюнувшимся ярко-желтым соцветием.

— Скоро распустится! — ликовал Игорек.— Этому отдадим еще один стакан? — спрашивал он у братьев и по детской наивности упрямо отказывался в садике от компота.

Через месяц Вяльцев получил от жены письмо. Она сообщала, что по советам врачей остается в санатории и, может быть, на какое-то время устроится там на работу. Ползучей змеей тревога снова зашевелилась в душе Вяльцева. Но он, стараясь не выдать своего волнения детям, улыбаясь, прочитал письмо матери.

Сообща написали ответ. В конце длинного письма по просьбе Игорька сделали приписку: «Дорогая мамочка, поскорее поправляйся и приезжай, вот-вот расцветут цветы. Мы все тебя очень любим и ждем...»

Но не суждено было в тот год Вяльцевым увидеть цветы. Трое суток бушевал песчаный смерч. Отец не ходил на работу, а сыновья — в садик и школу. Трое суток жители поселка сидели дома с наглухо закрытыми ставнями. А когда буря утихла, ребята бросились к клумбе. На ее месте увидели горку бурого песка...

Бессильны были люди против пустыни.

Лишь на следующую весну, когда закончилось строительство Каракумского канала и в арыках зажурчали потоки мутной воды, поселковый Совет завез земли и саженцев пирамидальных тополей. По обеим сторонам улиц жители посадили деревья, возле домов — цветы. А самые досужие успели обзавестись черешней и виноградом.

На глазах, хорошея, преображался поселок.

Бо́льшую часть свободного времени Вяльцевы следили за деревьями, цветами и огородными грядками. С особой щедростью и усердием они поливали цветы и терпе-

ливо ждали. Не знали сыновья о горькой вести, которую привез отцу из Ашхабада сосед-шофер: «Клавдию твою, Афоня, видел в чайхане с Виктором Иванычем... Помнишь, был у нас инженером?..»

Второй год, как пришла живая вода в поселок. Пирамидальные топольки тихо шелестели серебристыми листочками и тянулись ввысь, словно хотели достать ласковое небо. Вслед за солнцем поворачивали мохнатые шапки маки. Разнаряженные мальвы заглядывали в окна домов. На ветках молодых черешен румянцем наливались сочные ягоды.

Поселок утопал в зелени.

В МОРОЗНУЮ НОЧЬ

Врач дольше обычного задержался у кровати Сергея, отстукал пальцами, словно молоточком, его спину, придирчиво прислушиваясь к тихим звукам, и, наконец, сказал:

— Ну-с, молодой человек, стало быть, идем на поправку. Отлично. Завтра переведем вас в палату, в двадцать седьмой выписывается больной.

Он сделал короткую запись в истории болезни и направился в конец коридора, к столику, на котором сестра раскладывала лекарства.

Коридор никогда не пустовал: прибывали и прибывали новые больные. Каждый хотел попасть именно в эту знаменитую клинику, к опытным и известным в городе врачам.

— Врачи, мой друг, здесь кудесники,— в первый день поведал Сергею, как новичку, сосед — благообразный старичок в вельветовой пижаме.— Оборудование самое современное. Медикаменты в достатке.

Через минуту словоохотливый старичок опять обратился к Сергею:

— В больничных коридорах есть и свои плюсы: всегда ты в курсе того, что делается в отделении, все время люди ходят, как-то веселее. Фрамуги открыты. Воздух-то какой!

Не ожидая реакции Сергея, старичок принялся за печеное яблоко, оставшееся от полдника.

Сергей, лежа, как ему было велено, на спине, стараясь не шелохнуться, чтоб не потревожить сердце, тяжело сомкнул веки. Тупая, ноющая боль под левой лопаткой...

Сквозь тихий перезвон, стоявший в ушах, до сознания Сергея доносился мягкий, чуточку с хрипотцой голос. Старичок, по-видимому, увлекшись, уже не замечал, что разговаривал с самим собой.

После работы в больницу прибежала жена Сергея; присела на краешек стула и, не спуская с мужа встревоженных глаз, машинально выкладывала из авоськи на тумбочку лимоны, банки с соком... Сергей наблюдал за ее движениями, морщась от приступа грудной жабы.

— Опять беспокоит? — нежно погладила она руку Сергея, стараясь отвлечь его разговором.— В двадцать седьмой палате, говорят, лежат интеллигентные люди. Ты уж, смотри, не вступай в споры. Задира ты мой.

— Не подкачаю,— хрипло выдавил Сергей.— Каждый день не ходи. Кто его знает, сколько тут проторчу... Как на дворе?

— Снег растаял. Идет дождик, точно летом. Вот тебе и январь... А по радио обещают сильные морозы. Старики говорят, так всегда бывает на крещенье.

Сергей, словно в полузабытьи, слушал тихий говор жены, ощущая тепло ее рук. А когда она ушла, еще раз повторив свою просьбу не задираться в палате, Сергей проглотил горсть таблеток и мысленно перенесся в бригаду... Надо торопиться подвести дом под крышу. Дожди, и отделочникам фронт работ нужен. Прихватить бы один из выходных. Придут ребята, обязательно придут... Отгулять можно в морозы...

Бригада Сергея который год прочно удерживала первое место среди монтажников треста. Сергея это радовало, но не успокаивало. Он не упускал случая сказать: «Работать можно еще лучше. Строить быстрее, добротнее и дешевле».

Товарищи по бригаде уважали Сергея за веселый, покладистый характер, жадность к работе, умение отстоять интересы бригады перед прорабом и начальником строительного участка.

Руководители стройтреста прислушивались к мнению Сергея, ценили его за опытность. Качество работы его бригады всегда было отличное.

Сергей считался лучшим каменщиком в стройуправлении, куда пришел после военной службы. Днем работал, вечерами учился в техникуме. А когда получил звание техника-строителя, то уже не мог оставить любимого дела, ребят из бригады. Так и сказал в отделе кадров:

«Бригаду свою не брошу». Сергей всегда гордился тем, что жилые дома, сложенные по кирпичику их руками, украшали новые районы города. Потом бригада переквалифицировалась на монтажные работы и по-прежнему оставалась лучшей в тресте...

Вечером полная, уже в годах, няня, неслышно ступая по линолеуму, подошла к кровати.

— Поедем, сынок, в палату, пока местечко есть,— сказала она Сергею и ухватилась за никелированную спинку,— довезем, что твой курьерский, без остановок.

Тонко пискнули колесики, и Сергея медленно провезли по длинному коридору.

Сосед-старичок помахал рукой вслед и улыбнулся. Парень с высоко поднятой ногой в гипсовой, похожей на валенок, повязке безучастным взглядом смотрел в потолок.

Сергей приветливо поздоровался с новыми товарищами по палате.

— Здрасте,— буркнул больной с ближней кровати, повернулся спиной и укутался одеялом.

Больной в очках, кровать которого стояла у окна, прервал чтение книги, оживленно откликнулся:

— Значит, прибыло в нашем полку?! Привет вам, молодой человек, привет! С новосельем! — и снова углубился в книгу.

За вечер никто не вымолвил ни слова.

Утром, когда соседей не было в палате, няня принесла завтрак Сергею.

— Вот тот, в очках,— указала она на кровать у окна,— говорят, профессор. Страсть, какой ученый... Все читает, читает... Прочтет газетку или журнал — и мне отдаст. Сама не читаю, все больше радио слушаю. А для внучка беру.

Няня примолкла, подала Сергею стакан чаю.

— Ты пей, пока горячий, пей,— приговаривала она, ставя на тумбочку тарелку с кашей.— А опосля кашки поешь манной, все одно остыла.

— Спасибо, нянечка, спасибо. Вы не беспокойтесь, уберем, как говорили у нас в подшефном колхозе, без потерь.

— Ну вот и хорошо, кушай на здоровье, кушай... А этот-то вот в архитектурах ходит. Тоже, видать, с головой человек. Все молчит. Шибко не разговорчивый. Тоже язву желудка нажил. (В этой палате всегда так:

двое язвенников и один сердечник). Народ к нему ходил гурьбой. Все вот с такими большими листами бумаги,— развела в сторону руки.— Он все подписывал, подписывал, а потом, как дознались врачи, запретили посетителей пускать. Так и сказали: «Или лечиться, или работать». Апельсины, банки разные с компотами и вареньем, которые приносили ему,— все велел жене забирать домой. Видать, прижимистый хозяин. Ну, бог с ним... Ты кушай, кушай на здоровье, а я пойду, нового больного положим.

Проводив няню взглядом, Сергей стал доедать кашу. За дверью послышались тяжелые шаркающие шаги профессора.

— Подкрепляемся, значит, набираем калории? — обратился профессор к Сергею и направился к раковине мыть руки.

Сергей улыбнулся.

Архитектор вошел молча, переставил тарелку и стакан с чаем со стола на подоконник, попробовал с ложечки кашу. «Опять холодная»,— буркнул недовольно и, стоя, быстро стал заглатывать кашу, запивая каждую порцию глотком чая.

— А в столовой всегда горячая пища,— сказал профессор.

— Не терплю столовых,— архитектор перенес порожнюю посуду с подоконника на стол,— шумно там и ложками лязгают.

— А я, знаете, не привык принимать пищу в палате,— профессор сосредоточенно вытер руки, аккуратно повесил полотенце.— Все-таки как-никак, а мы ходячие больные.

Последовали нудные дни, похожие один на другой. Соседи Сергея оказались сугубо неразговорчивыми людьми. Профессор чаще всего коротал время в кресле за книгой. Архитектор часами задумчиво лежал в постели или занимался туалетом. Утром и вечером брился механической бритвой. Много раз на день (Сергей так и не мог точно сосчитать сколько) архитектор расчесывал редкие рыжеватые волосы. Процедура эта занимала минут десять и выполнялась всякий раз с таким видом, словно архитектор готовился к выходу на сцену.

Наблюдая за ним, Сергей мысленно отсчитал десять операций. Достает из нагрудного кармана пижамы расческу — раз. Вынимает ее из футляра — два. Засовывает футляр в карман — три. Шесть раз медленно проводит

расческой по волосам, начесывая их на лысину — четыре. Снимает с расчески налипшие волосы — пять. Проверяет, не остался ли волосок на расческе,— шесть. Достает из кармана футляр — семь. Вставляет расческу в футляр — восемь. Смотрит, хорошо ли разместилась расческа в футляре — девять. Кладет расческу в карман — десять.

Десять операций... Выполняются отточенно, картинно и почти торжественно. Всякий раз все те же отработанные до автоматизма движения.

Архитектор постоянно следил за своим внешним видом. Пижамные брюки его были безукоризненно отглажены. (Это делала няня за небольшое вознаграждение.) В нагрудный карман ежедневно вкладывался свежий носовой платок. Из-под расстегнутой у ворота пижамы виднелась чистая нижняя рубашка, которую каждое утро кастелянша по его просьбе заменяла новой, как только привозили белье из прачечной.

Все было ладно в архитекторе, и все же он чем-то не нравился Сергею. Или своей педантичностью, или надменным, самолюбивым взглядом, какой бросал он из-под нахмуренных бровей, словно царственная особа,— сверху вниз, на сопалатников, медицинский персонал, в том числе на врачей, к которым Сергей относился с робостью и нескрываемым уважением.

...«И как только не собьется,— всякий раз думал Сергей, видя, как архитектор брался за расческу.— Впрочем, чего ж тут удивительного: его специальности свойственна педантичность, расчетливость. Он же разрабатывает проекты. А в строительстве все должно быть на своем месте. Прочно, долговечно, красиво...» И тут же Сергей ловил себя на мысли: «Уж не этот ли придумал дома с узкими коридорами, крохотными кухнями и совмещенными санузлами?..»

Когда Сергей делился с женой, та ему возражала:

— А знаешь, сколько семей вселилось в такие дома?! Лучше иметь синицу в руках, чем журавля в небе. Сам ведь так говорил, когда получали ордер на новую квартиру...

— Сам, сам,— беззлобно повторил за ней Сергей.— Верно, говорил, когда переселялся из вороньей слободки. А пожил год, говорю другое: человек-то часто на всю жизнь получает жилье...

— Неправ ты... Сам ведь знаешь, какая очередь у нас

в районе. Вот и угонись тут за желающими. В десять раз увеличь строительство, и то, пожалуй, не успеешь.

— Это я понимаю...

Сергей вздохнул и задумчиво продолжал:

— Ничего не поделаешь, такова уж психология человека. Жил в комнате — получил однокомнатную квартиру, вроде доволен. А появился ребенок, обзавелся новым мебельным гарнитуром, глядишь, ему уже и двухкомнатную хочется в кирпичном доме...

— Конечно, панель и блоки не чета кирпичу,— заметила жена.— Дома кирпичные и добротнее и красивее.

— Я вот был в Ленинграде, Киеве, Севастополе. Какие там видел здания! Что ни дом, то дворец. Сердце радуется. В пояс поклониться хочется мастерам. А фасады как отделаны! Потолки в квартирах взглядом не достанешь. Простор, хоть на велосипедах катайся по коридорам... А что я строил, что после себя людям оставлю? Эти панельные дома?.. Лет через двадцать, пожалуй, а то и раньше, ломать будем, как в свое время бараки...

Разгорячившись, Сергей схватился за сердце.

— Ну, вот поговорил, теперь давление опять подскочит.

— Это не критика, а самокритика,— горячо продолжал Сергей.— Знаю, что по-иному нельзя: много людей живет еще в тесноте...

— Да не мучай себя, солнышко мое,— с нежностью провела жена пальцами по жесткому чубу Сергея.

— Просто душа у меня болит за наше строительное дело. Что, разве я не правду говорю? — уже спокойнее произнес Сергей.

— Правду, правду. Только успокойся. А то еще долго отсюда не выпишут...

За дверью послышался кашель. В палату вошли профессор и архитектор. Жена смущенно чмокнула Сергея в щеку и, попрощавшись с его соседями, взялась за ручку двери.

— Не закрывайте, пожалуйста,— сказал ей архитектор.— Проветримся.

— Да, климат у нас, как в тропиках,— молвил профессор и снял очки.

— Может, окно открыть? — несмело предложил Сергей.

— А что, молодой человек, это идея,— поддержал его профессор, надел очки и направился к среднему окну.

— Что вы, что вы! — испуганно воскликнул архитектор.— У меня насморк,— и демонстративно вынул из нагрудного кармана носовой платок, поднес к губам.

— Если вы возражаете против окна, то можно открыть фрамугу,— примирительно сказал профессор.

— Эту не открывайте, из нее дует на мою кровать,— зябко передернул плечами архитектор.— А вот ту, пожалуйста,— кивком указал он на окно рядом с кроватью профессора.

— Эту так эту,— миролюбиво согласился профессор, взял палку с крючком, потянул за кольцо створку фрамуги.

Бодрящий ветерок колыхнул штору. Сквозь шорох улицы было слышно, как дробно стучали капли дождя по крыше. Комната наполнялась живительным, чуть сыроватым и прохладным запахом озона.

Архитектор укрыл ноги халатом, подоткнул с боков плотнее одеяло и попросил профессора закрыть фрамугу.

— Боюсь, как бы совсем не расхвораться. А у меня, знаете, печень и сердце не в порядке.

— Как вам будет угодно,— ответил профессор.— Закрыть так закрыть. У фрамуги могут быть лишь два положения: открыта или закрыта.

— И верхний свет погасите, если можно,— попросил архитектор и закашлялся.

— Пожалуйста,— профессор выключил яркую люстру.— Мне вполне достаточно настольной лампы.

Сергей в душе пожалел архитектора, про себя отметил покладистость профессорского характера.

Перед сном профессор тщательно умывался, долго разглядывал в зеркало лицо. Уже в кровати протер щеки и лоб лосьоном, после чего, прикрыв настольную лампу газетой, принялся читать книгу.

Архитектор тяжело дышал, укрывшись с головой одеялом.

«Видать, и вправду крепко простыл. На поправку уже пошел, и на тебе...— снова пожалел Сергей архитектора.— Надо же такому было случиться...»

Сергей посмотрел на окно. В черно-синем квадрате мерцали оранжевые блики качавшегося на ветру фонаря. Сергей мысленно представил, как он скоро вернется на стройку к ребятам. Они, наверно, уже начали монтаж

нового дома. Как там с плитами?.. Неужели не догадаются мешки с цементом накрыть? В прорабской брезент, в самый раз мог бы сгодиться... Но у прораба лишнего гвоздя не выпросишь, все по норме... И, пожалуй, правильно. Цена гвоздю — копейка, а из них рубли складываются...

Капли воды методично стучали о раковину из подтекавшего крана, который по забывчивости опять не до конца закрыл профессор. Словно звуки хронометра отчетливо раздавались в полумраке. «Сколько натечет за ночь, ведро? Нет, пожалуй, больше. А сколько таких незавернутых кранов? Сколько воды пропадает даром... А вода-то ведь питьевая, очищенная в специальных сооружениях. Целое хозяйство, громоздкое, сложное... Вода расходуется всюду: на заводах, на кухне, в ваннах и для поливки улиц. Из одного водопровода, все та же питьевая вода... В самом деле, почему не строят специальные водопроводы для технических нужд?..»

С профессорской кровати доносился прерывистый храп. Сергей босиком подкрался к профессору, снял с него очки, положил на тумбочку, перенес на кресло книгу, заложив клочком бумажной салфетки недочитанную страницу, поправил сбившееся у ног архитектора одеяло, тихо выдернул вилку из штепселя настольной лампы, боясь, как бы щелчком выключателя не потревожить сна товарищей, потом пробрался к раковине, прикрутил плотнее кран. Холодный пол казался ледяным, словно колючие иголки пронзили ступни ног. В кровати Сергей тихо перевертывался с бока на бок и до утра никак не мог отделаться от озноба.

За ночь погода опять изменилась. На рассвете резкий порывистый ветер пригнал серо-свинцовые тучи. Утром мокрыми хлопьями валил снег.

— Зима все же берет свое,— сказал профессор, заглядывая в заснеженные снизу стекла окна.

— По радио обещали морозы,— откликнулась няня, прибиравшая в палате.— Скоро крещенье.

Профессор притронулся к радиатору.

— Огонь, совершеннейший огонь.

— Жарища,— поморщился архитектор,— задохнуться можно,— и принялся заглатывать из стакана кислородный коктейль.

— Давайте заглушки батарей закроем,— предложил Сергей.

— Пробовали уже,— пробурчал архитектор,— не действуют, заржавели.

— Пойду позову слесаря,— Сергей вышел из палаты.

Профессор углубился в книгу. Архитектор молча смотрел в окно. В вихре кружились снежные хлопья и нехотя опускались на землю, одевая в мокро-белый наряд деревья, кустарник и клумбы больничного сквера.

Пришел слесарь. Шумно поздоровался. Поставил на подоконник чемоданчик с инструментом. Ощупал радиаторы.

— Надо отключать всю систему.

— Сделай, дружище,— попросил Сергей,— в долгу не останемся.

— Конечно, уважьте,— оторвался от книги профессор.— Отблагодарим вас, как положено в таких случаях.

— Я-то что... Но под давлением оно... Всю систему надо... Летом, тогда можно...

— До лета тут столько людей перемучаются,— возразил ему Сергей— Разве так приглушить нельзя?

— Можно-то можно, да боюсь. Резьба старая. Еще сорвешь. Ошпаришь, тогда отвечай за вас.

— А наши сантехники сделали бы. Не раз приходилось, чтобы сдать к сроку объект.

— У вас можно, у нас нельзя. Приказ главврача. Нельзя, значит, нельзя.

Слесарь взял чемоданчик, постоял в раздумье возле кровати Сергея и вышел из палаты.

— Ну и порядочки! — возмутился архитектор.— А летом, думаете, исправят? Ошибаетесь, все останется, как было. Третий раз здесь лежу, и все то же самое. Фрамуги не открываются. В коридорах линолеум отклеился. Двери скрипят, точно телеги.

— Все это так,— согласился с ним профессор,— но нам от того разве легче?. Подумаем лучше, как будем одолевать жару.

— Давайте почаще проветривать,— предложил Сергей.— Самим можно переждать в коридоре. Вы и так простужены,— с участием сказал архитектору.— Чего доброго, совсем сляжете.

— Мне только этого не хватало,— закашлялся архитектор.

Днем, когда профессор и архитектор выходили из палаты, Сергей несколько раз устраивал сквозное проветривание. Дежурная сестра сделала ему замечание, что он

без разрешения врача встал с постели. А перед сном Сергей опять настежь раскрыл окна. Сам вышел в коридор, поджидая товарищей, смотревших в холле телевизионный фильм.

— Посидите здесь,— сказал им Сергей, когда те возвращались из холла.— Пойду окна закрою. Пусть согреется воздух.

— Правильно, ступайте,— сказал архитектор,— а мы тут пока понаблюдаем за этими тварями,— и остановился возле банки с пиявками, сверху прикрытой марлей.

А когда минут через десять они вошли в палату, профессор воскликнул:

— Воздух райский, точно в Кисловодске!

— Холодище, как в погребе,— передернул плечами архитектор, подозрительно потянув воздух носом, сморщился.— Отдает какой-то тухлятиной.

— Что вы, батенька мой,— возразил ему профессор.— В зале действительно чем-то припахивало, а у нас благодать. Скажите уж, что вам здесь надоело. Понимаю, самому хочется домой...

Архитектор усмехнулся, полез за расческой.

«Вроде ничем и не пахнет, кроме одеколона, которым он брызгал возле своей кровати...— подумал Сергей.— Постельное белье няня всем сменила. Просто ищет, к чему бы придраться...»

— Таблетку ротора не желаете? — архитектор протянул профессору коробочку с лекарством.— Французский. Раздобыли через знакомых. Великолепное средство от язвы. Второй раз к нему прибегаю. Доставать вот трудно... Но вы берите, не стесняйтесь, берите, пожалуйста...

— Нет уж, покорнейше благодарю. Отечественными средствами обхожусь. Прополис — то бишь пчелиный клей. И облепиховое масло — чудо из чудес. Рак пищевода, и тот, говорят, излечивает.

Архитектор включил транзистор.

— Великий Бетховен! — воскликнул восхищенно профессор, отложил книгу, снял очки и замер. А когда отзвучал последний аккорд, сказал с восторгом: — Музыка Бетховена — это всегда глубочайшее волнение души. Словно побывал в другом, неизвестном тебе мире...

Сергей слушал, боясь неловким вопросом отвлечь профессора. Архитектор небрежно кивнул и тотчас поправил прическу, методично повторив все те же десять операций.

Сумрачно глядя на транзистор, он сказал:
— Замучила изжога.
— Выпейте боржома,— предложил Сергей.— Сейчас откроем новую бутылку.
— Не надо.
— Вода свежая, не беспокойтесь.
— Лучше из той,— архитектор указал на початую бутылку, стоявшую на тумбочке.— В ней меньше углекислоты.
Сергей налил стакан, протянул архитектору, который с жадностью выпил воду.
— Еще?
— Нет, спасибо. Вода не коньяк, много не выпьешь...
Помня наказ жены и проявляя уважение к сопалатникам, Сергей старался сделать для них что-нибудь приятное. Ходил к сестре за лекарствами, вызывал няню, спускался по утрам на первый этаж, чтобы купить у швейцара свежие газеты. Архитектор их прочитывал вслух, а профессор комментировал услышанное. Однажды Сергей долго разыскивал по больнице архитектора, которого в вестибюле ждала жена.
Услуги Сергея принимались как само собой разумеющееся: младший помогает старшим по возрасту. Нередко сопалатники забывали сказать обычные слова благодарности. Сергей и не замечал этого, поступая так, как подсказывала ему доброжелательность к людям, с которыми судьба свела его как с товарищами по несчастью. Общительный и покладистый по характеру, он стал было уже привыкать к своим новым знакомым. Но отдельные поступки архитектора возбуждали у Сергея неприязнь, возникшую в первые дни. Сергей гасил в себе это чувство и продолжал с участием относиться к нему. Вот и сегодня Сергей заложил старыми газетами радиаторы, чтобы поменьше пылали жаром, сверху накрыл их халатами.
— А у нас вовсе не душно,— потирая руки, сказал профессор.— Врачи обещают прогулки по скверу. Великолепно!.. А то так можно совсем отвыкнуть от свежего воздуха. Выйдешь на улицу — закружится голова.
— В пятницу выписываюсь,— радостно сообщил Сергей.— По работе ужасно соскучился.
Архитектор молча улегся в постель.
Ночь прошла спокойно. А утром Сергей почувствовал

озноб, но пытался скрыть от сестры. «Еще не выпишут,— подумал он.— Ничего серьезного, просто поостыл малость. Не беда. На работе иной раз не так промерзать приходилось, да сходило. И это сойдет...»

— Больной, температура у вас! — с тревогой сказала сестра.— Сейчас позову врача.

— Тридцать девять и шесть десятых,— близко поднеся к глазам термометр, сказал врач.— Нуте-с, посмотрим, в чем причина. Поднимите рубашку,— он взял стетоскоп, склонился над Сергеем.— Так, сделайте вдох поглубже. Еще раз. Теперь не дышите. Так. Рубашку можете опустить. Теперь покажите горло,— приблизил настольную лампу к лицу Сергея.— Э-э-э, голубчик мой, самая банальная ангина,— и обернулся к сестре: — Аспирин. Полоскание содовой. Грелку к ногам. Постельный режим,— и Сергею: — Пейте почаще теплое. Укрывайтесь получше. Не остужайтесь. С ангиной шуточки плохи: может дать осложнение. Вот так, таким образом. Через недельку посмотрим.

Днем Сергею будто полегчало, после полдника опять подскочила температура. В ушах стоял комариный звон, в горле саднило, точно кто-то прошелся напильником. Пересиливая боль и слабость, Сергей вышел в коридор, пока на ночь проветривалась палата. Возвратившись, он едва добрался до кровати, укрылся одеялом. Сквозь полудрему слышал, как переговаривались соседи.

— Знатный морозец,— различил он голос профессора.— Помните, у поэта сказано: «Раз в крещенский вечерок девушки гадали. У забора башмачок, сняв с ноги, бросали».

— Башмачок, башмачок,— пробурчал другой голос.— Задохнемся ночью.

— Ну, что вы, нынче уже терпимо.

Назойливо жужжала бритва. В раковине плескалась вода. Потом, словно винтовочный выстрел, донесся щелчок выключателя, и все затихло. Сергей в темноте нащупал на тумбочке таблетку, проглотил ее, не запивая водой. Его поташнивало и знобило. Врача он не стал вызывать. Свернувшись калачиком, Сергей задремал. Среди ночи его разбудил скрип кровати и недовольное ворчанье.

Вспыхнула настольная лампа. Архитектор, кряхтя, поднялся, вышел из палаты, вернулся назад, оставив открытой дверь.

— Уф, жарко,— капризно пробурчал он.— Открыть бы окно.

— Разве можно? — сонно отозвался профессор.— У него ж ангина.

— Ангина, ангина,— раздраженно проскрипел архитектор.— А я тут при чем? — направился к окну.

— Что вы делаете?! — встревоженно вскричал профессор.— Вы же воспитанный человек.

— А идете вы...— архитектор распахнул окно.— Погуляем, пока проветрится.

— Как вам не стыдно! — с укором сказал профессор.— Я непременно сообщу врачу,— и хлопнул дверью.

Архитектор, накинув халат, тоже вышел в коридор.

Ледяной ветер, задувая с улицы снежинки, гулял по палате.

Сергей, стиснув зубы, укрылся с головой одеялом.

— Вот теперь совсем другое дело,— услышал он голос архитектора и стук закрывшегося окна.— Подумаешь, какой принципиальный, не хочу, говорит, с вами быть более ни одной минуты...

Архитектор погасил настольную лампу и улегся в постель.

Профессор остался, по-видимому, коротать ночь в коридоре.

Сергея так и подмывало сказать архитектору резкое слово, но он все-таки сдержал себя. А утром, когда тот еще спал, Сергей попросил няню:

— Вывезите, пожалуйста, мою кровать обратно в коридор.

— Что так, сынок? Ай соседи не по душе? Может, я чем не угодила?..

— Нет, что вы, няня. Просто там воздух чище...

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

С самогона, Федот Федотыч, не держу! — отрезала хозяйка.— Из-за него, проклятого, мужик потерялся... Вот чайку — пожалуйста!

— Чай так чай,— согласился мой спутник.

Он снял тулуп, шапку и, сильно припадая на правую ногу, направился к столу. Я тоже разделся. Сел на скамейку и осмотрелся.

Просторная изба. Цветастые обои. Широкие деревянные скамейки по бокам стен. Керосиновая лампа с абажуром подвешена на крюк к потолку. Неровный свет дрожит на пыхтящем медном самоваре. За столом двое: чернявый мужчина, похожий на гранитную глыбу, и белобрысый парень с тонкой гусиной шеей.

Глыба громко и аппетитно пьет чай из маленького хрупкого блюдечка, которое держит в неуклюже растопыренных толстых пальцах.

Парень, подперев острые скулы кулаками, проговорил с видом знатока, повторяя чужие слова:

— Настоящая любовь, как призрак — все о ней говорят, но никто не видел...

— Эк, куда хватил! — оборвала его хозяйка.— Сколько людей в добром согласии живут! Это ты избегался, сладу с тобой никакого...

Парень недовольно огрызнулся.

— А ты не огрызайся, бессовестный!.. Вот наградил господь сыном...— горестно вздохнула хозяйка.— Что же вы-то молчите, Федот Федотыч? — обратилась она к старику.— Сказали бы этому вот...— кивнула на парня.— Полезно будет: без отца ведь растет...

— В самом деле, почему бы нет? — передернул плечами парень и скривил губы.

Федот Федотыч посмотрел на него долгим задумчивым взглядом, потом качнул головой, помешивая ложечкой остывавший чай.

— Знаю я одну историю про любовь,— вдруг мечтательно улыбнулся он в усы.— Вот, послушай, милок, коль интересно...

Федот Федотыч подвинул ближе к самовару чашку. Аккуратно смахнул со стола в руку хлебные крошки и не спеша отправил их в рот. Вытер белые, с махорочными подпалинами вокруг рта усы и бороду и неторопливо начал свой рассказ:

— Давно это приключилось. Еще до первой войны. Друг был у меня, здоровенный, крепкий такой, как дубок в весеннюю пору. Играли мы как-то на пасху в горелки. Увидел он одну девушку из соседнего села. Ловкая, прыткая. Улыбчивая. Уж так приглянулась ему, спасу нет...

Федот Федотыч достал кисет, свернул козью ножку и вопросительно глянул на хозяйку.

— Дымите. Чего уж с вами поделаешь? — кивнула та.— Дымите. Потом дверь открою...

Федот Федотыч чиркнул спичкой. Глубоко затянулся и продолжал:

— Попросил он разрешения проводить ее до дому. Позволила...

— Целовались, конечно? — парень подмигнул мне, усмехнулся.

— Поцеловал первый раз перед тем, как сватов засылать. Ему тогда двадцатый пошел, а ей минуло восемнадцать. Да, знать, не судьба...

Федот Федотыч затянулся. Клубы сизого дыма, словно пуховый платок, окутали его плечи и голову.

— Почему это не судьба? — спросил парень.

— Не пожелал отец ее за бедняка отдать. Моя Марфа, говорит, только в богатый дом пойдет! — Федот Федотыч громко вздохнул.

— Так и выдали ее помимо воли замуж. А тут вскорости война. Всех мужиков и его, понятно, тоже призвали. Фронт. Потом революция. Потом гражданская война. Воевал в полку у Пархоменко. Ранили под станцией Миллерово. Отвалялся в госпитале — и списали по чистой. Да он на польский фронт упросился. В деревню

вернулся через шесть лет. Встретил любовь-то свою. Почернела вся: мальчонка на руках, да и мужик с войны на костылях пришел. Слез, видать, с море выплакала. А в глазах все-таки прежний огонь.

Федот Федотыч стряхнул пепел и умолк. Парень глядел на него с неподдельным любопытством. Хозяйка дома стояла, прислонившись к печи и скрестив руки на груди. Даже лицо глыбы, казалось, тоже выражало интерес.

— Так вот, женился мой друг. Одарила его Наталья двумя сыновьями. Крепко уважал он покойницу за это... Хозяйством они своим занимались. Вступили в колхоз. Сын кулака Игната из обреза в него стрелял. Папаху, гад, испортил! — Федот Федотыч шумно растер цигарку в пепельнице.— Жили мы в своем колхозе — дай бог каждому! Он тогда ходил уже в бригадирах. Да не дал пожить спокойно фашист проклятый! Сынам на подмогу пришлось идти. С пехотой гвардейской до самого Берлина дошел. Видал, как ихний рейхстаг горел. Брать, правда, его не пришлось. До них взяли. А вот, как горел, видал. Обидно же, черт возьми, всю войну прошел — и ни царапинки. А тут с чердака автоматчик эсэсовский полоснул в правую ногу. Сапог крови натекло, пока санитары подобрали. Вот и ходит теперь на чужой ноге...— Федот Федотыч хлопнул себя ладонью по голенищу.— Не дождалась его Наталья. Схоронили ее в сорок четвертом.

— А что с невестой-то его стало? — нетерпеливо спросил парень.

— В Бутурлиновке живет. Муж ее помер. Сына на войне убило.

— Вот и поженились бы они, если не разлюбили...

— Эх, мил человек, зелен ты больно... Женился бы... Перед внуками совестно. А разлюбить не разлюбил. Человека из сердца не выбросишь. Нет! Войти туда трудно, а выйти...

Федот Федотыч умолк и задумался. Лицо его, густо изрезанное сетью больших и малых морщин, потухло, сделалось грустным, потом словно осветилось изнутри, морщины разгладились, глаза подобрели, и он сказал, обращаясь ко мне:

— Гостинцев купил ей и внучатам,— и указал на узелок в углу.— Ну, заболтался я совсем. Пора нам...

Через полчаса мы уже ехали по накатанной снежной

дороге. Застоявшаяся лошадка без всякого принуждения трусила мелкой рысцой. Ветер кидался колкой поземкой. Забирался за воротник тулупа. Я повернулся спиной к ветру и задремал под монотонный скрип саней.

Разбудило меня прикосновение руки Федота Федотыча.

— Приехали,— сказал он.

Лошадь свернула с дороги и привычно остановилась у крыльца, уткнувшись горячей мордой в перила.

Федот Федотыч слез с саней, подошел к окну и тихо постучал.

— Кто там?

— Свои.

— Сейчас отопру.

Вспыхнул свет электролампы. Косая тень колыхнулась на заиндевелых стеклах. Мягкий женский голос за дверью спросил:

— Ты, Федотушка?

— Я, Марфенька, я...

И по тону, каким было сказано слово «Марфенька», я понял: здесь действительно любовь. На всю жизнь!

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Иванович Родионов

НЕ ТОРОПИСЬ МЕНЯТЬ ДРУЗЕЙ...

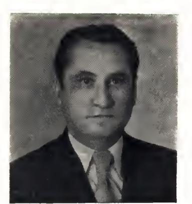
Редакторы **П. Д. Кондюкова, Е. А. Залегина**
Художннк **В. П. Алексвндров**
Художественный редактор **Р. А. Клочков**
Техннческнй редвктор **Л. М. Беседина**
Корректор **З. И. Шехтмейстер**

ИБ № 1279
Коднрованный орнгннал-макет изданння подготовлен нв электронном печвтно-коднрующем и корректнрующем устройстве «Север». Подп. к печ. 2/IX-77 г. Формат нздання 84×108$^{1}/_{32}$. Фнз. п. л. 2,0. Усл. п. л. 3,36. Уч.-нзд. л. 3,25. Изд. инд. МПЛ-112. А13146. Тнрвж 75 000. Цена 10 коп. Бум. № 2 тнп. Зак. № 181.

Издвтельство «Советсквя Россня» Государственного комнтета Совета Мнннстров РСФСР по делам нздательств, полнграфнн н кннжной торговлн. Москва, пр. Сапуновв, 13/15.

Кннжнвя фабрнка № 1 Росглавполнграфпрома Госудврственного комнтета Совета Мнннстров РСФСР по делам нздательств, полнграфнн н кннжной торговли, г. Электросталь Московской областн, ул. нм. Тевосяна, 25.

10 коп.

Михаил Иванович Родионов родился в 1924 году. Трудовую деятельность начал в 1942 году рабочим-термоизолировщиком в Московском термокомбинате. Затем находился на комсомольской работе. После окончания инженерно-экономического факультета института работал в издательствах «Молодая гвардия», «Советская Россия», «Знание». Прошел путь от редактора до директора. В настоящее время является начальником промышленного объединения в системе Госкомиздата СССР.

Его статьи, очерки и рассказы печатались в различных газетах и журналах. Имеет сборники рассказов и очерков: «Чуть-чуть...» (1965), «На всю жизнь» (1968), «Навсегда улетели, навсегда...» (1974) и публицистические книги.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ